

На правах рукописи

ПАРСИЕВА ЛАРИСА КАСБУЛАТОВНА

СИСТЕМА МЕЖДОМЕТИЯ В ОБЩЕЙ ПАРАДИГМЕ ЯЗЫКА
(на материале осетинского и русского языков)

Специальность **10.02.20** – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Владикавказ 2010

Работа выполнена в Учреждении Российской академии наук
Северо-Осетинском институте гуманитарных и социальных исследований
им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН
и Правительства Республики Северная Осетия-Алания

Научный консультант

доктор филологических наук
Гацалова Лариса Борисовна

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор
Хараева Лариса Хамбиевна

доктор филологических наук, профессор
Таказов Харум Алиханович

доктор филологических наук, профессор
Есенова Тамара Саранговна

Ведущая организация

Учреждение РАН институт гуманитарных
исследований Правительства Кабардино-
Балкарской Республики и Кабардино-
Балкарского научного центра

Защита состоится «___»_____2010 г. в ___ часов на заседании
диссертационного совета Д 212.248.02 при ГОУ ВПО «Северо-Осетинский
государственный университет имени К.Л. Хетагурова» по адресу: 362025,
РСО-Алания, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 46.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ГОУ ВПО
«Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова»
по адресу: 362025, РСО-Алания, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 46.

Автореферат разослан «___»_____2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
канд. фил. наук, доцент

О.Д. Бичегкуева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Междометия являются языковыми единицами, функция которых заключается в непосредственном выражении эмоций, субъективно-чувственных реакций и волеизъявлений человека. Они выделяются в языке своеобразием фонетического оформления, семантико-грамматической формы и специфической коммуникативной функцией.

Вопросы описания междометий и междометных единиц неразрывно связаны с такими вопросами языкознания, как дихотомия языка и речи, категориальная принадлежность, номинация, предикация и др.

Междометия и междометные образования долгое время оставались за пределами специальных научных исследований. В последние десятилетия интерес к проблеме междометий возрос, но до сих пор интеръекционные единицы (ИЕ) являются одной из недостаточно изученных областей лингвистики, так как в науке о языке наблюдается противоречивое толкование междометия. Наличие этих нерешенных и дискуссионных вопросов в теории междометия, а также необходимость проведения комплексного исследования, при котором рассматриваются различные аспекты изучения интеръекционных единиц русского и осетинского языков определяет *актуальность* темы диссертационного исследования.

Объектом нашего исследования являются междометия в осетинском и русском языках.

Предмет исследования – семантическое содержание и функциональная характеристика неприменных (первичных) и применных (вторичных) междометий.

Целью настоящей работы является теоретическое осмысление статуса междометия в общем, русском и осетинском языкознании, многоплановое комплексное описание междометий в осетинском и русском языках, выявление функциональной дифференциации и семантического содержания междометий в художественных текстах и в разговорной речи как особых коммуникативных единиц языка, посредством которых выражаются эмотивные, когнитивные и эмотивно-волевые значения.

Для достижения поставленной цели и получения объективных результатов в диссертации ставятся следующие *задачи*:

- 1) изучение современных концепций междометия, обобщение, систематизация и уточнение отдельных теоретических вопросов;
- 2) проведение многокомпонентного компаративного анализа междометий в русском и осетинском языках; выявление сходств и различий в системе междометий русского и осетинского языков;
- 3) проведение экспериментального анализа устной речи информантов, определение специфики употребления интеръекционных единиц в зависимости от этнической, гендерной, социальной и возрастной дифференциации субъектов;

- 4) изучение общих и специфических черт в использовании междометий в диалоге в осетинском и русском языках;
- 5) исследование функциональной дифференциации и семантико-стилистического содержания интеръективизмов как языковых единиц, непосредственно выражающих когнитивные, эмотивные и волитивные значения;
- 6) классификация непрямых и производных междометий в русском и осетинском языках; изучение условий процесса интеръективации и конверсии междометий;
- 7) выявление особенностей передачи междометий с одного языка на другой и определение наиболее адекватных способов перевода интеръекционных единиц с учетом их национальной специфики;
- 8) изучение лексикографической репрезентации междометий и междометных образований в осетинском и русском языках в словарях разных видов и разработка словарного описания интеръективизмов.

Основными *методами* в настоящей работе являются: метод лингвистического описания (приёмы наблюдения, сопоставления, идентификации, дифференциации, типологизации исследуемого материала); компаративный метод, позволяющий выявить сходства и различия в системе междометия русского и осетинского языков; метод компонентного анализа, способствующий осмыслению семантической структуры интеръективизма; метод оппозиционного (парадигматического) анализа, позволяющий определить тождество и различие синонимичных знаков, их потенциальную способность употребляться в тождественной коммуникативной ситуации; метод дистрибутивного анализа, с помощью которого определяется вариативность ИЕ; также используются социолингвистический, психолингвистический и количественный методы.

При анализе прагматических значений и ситуативной семантики интеръективизмов использовался семантико-стилистический метод лингвистического анализа текста, направленный на определение тончайших смысловых оттенков междометных выражений в художественных, публицистических и драматургических текстах. При анализе примеров из живой разговорной речи – метод опроса информантов.

Научная новизна диссертационной работы заключается в том, что впервые на материале осетинского и русского языков непрямые и производные междометия являются объектом специального комплексного исследования и подвергаются компаративному многокомпонентному анализу; составлена новая классификация ИЕ, рассмотрены проблемы перевода междометий и их лексикографической репрезентации.

Методологическую основу данного исследования составили идеи и концепции, представленные в трудах Л.В.Щербы, В.В.Виноградова, А.И.Германовича, А.И. Смирницкого, Н.Ю. Шведовой, В.И.Шаховского. Проведение лингвистического анализа эмоционально-волеизъявительного поведения субъекта в момент речевого акта основывалось на положениях психологии в концепциях Л.С. Выготского, А.А. Леонтьева, А.Р. Лурии. Рассматривая вопросы передачи междометий с одного языка на другой, мы

опирались на основные положения теории перевода А.В.Федорова, В.Н. Комиссарова, Я.И. Рецкера, А.Д. Швейцера, У.Эко. Значительное влияние на теоретический аспект исследования оказали труды В.И. Абаева, М.И. Исаева, Н.К. Багаева, Т.А. Гуриева, Н.Я. Габараева, Н.Г. Джусойты, Х.А. Таказова.

Степень изученности темы. Различные аспекты изучения междометий рассматривали зарубежные и отечественные исследователи: Ф. Амека, А.Вежбицкая, А.И. Германович, А.И. Гордей, Г.В. Дагуров, И.А. Блохина, Н.Р. Добрушина, А.П. Ляшенко, Л.П.Карпов, С.Карцевский, Н.В.Литовкина, В.Ю. Меликян, С.В. Параховская, Т.В. Пахолкова, Е.В. Середа, Г.В.Синекопова, И.И.Скачкова, Н.А. Хван, В.Н. Шаронов и др.

Исследование активных процессов в лексико-фразеологической системе русского и осетинского языков представлено в работах В.И. Абаева, М.И.Исаева, Е.Б.Бесоловой, Н.Я. Габараева, Л.Б. Гацаловой, Т.А. Гуриева, К.Г. Джусоевой, З.Б. Дзодзиковой, Ю.Д. Каражаева, Е.В. Сенько, Х.А.Таказова, Р.Г. Цопановой и др.

Система междометий в осетинском и русском языках до настоящего времени не имеет комплексного сопоставительного описания и остаётся полем актуального исследования.

Материалом исследования послужили контексты, содержащие производные и производные междометия, отобранные из произведений русской и осетинской художественной литературы и драматургии XIX и XX веков, а также наблюдения над живой разговорной речью носителей русского и осетинского языков и сделанные нами аудиозаписи устной речи. С целью получения более точных данных о степени «синхронизации» частотности употребления междометий в русском языке и влиянии русского языка на употребление междометий в осетинском языке, в условиях тесного русско-осетинского билингвизма, отбор материала производился в определенной хронологической последовательности: проанализировано функционирование междометий в произведениях XIX–начала XX вв., 30–50 гг., 60–80 гг. XX в., конца XX–начала XXI вв.

Для определения особенностей функционирования междометий в устной разговорной речи и более полного описания смысла той или иной ИЕ в ее вариантном значении в конкретной речевой ситуации был проведен экспериментальный анализ устной речи представителей разных гендерных, возрастных и социальных групп. Аудиозаписи устной речи участников эксперимента при их непосредственном общении были впоследствии подвергнуты многоаспектному компаративному анализу.

Вопросы перевода междометий исследовались на основе сопоставления оригинальных текстов и их переводов (на материале осетинского и русского языков). Лексикографическая репрезентация ИЕ русского языка рассматривалась на базе данных словарей разных видов. Было проанализировано представление междометий русского языка в толковых и многоязычных словарях. Лексикографическое представление осетинских междометий исследовалось на основе толкового и переводных словарей осетинского языка.

Теоретическая значимость диссертационной работы определяется вкладом в исследование теории междометия, описанием вопросов системы междометия, находящихся в сфере компетенции лексики, фразеологии, грамматики, стилистики, культуры речи, лексикографии, социолингвистики, этнолингвистики, культурологии и психологии; определением функциональной дифференциации и семантического содержания междометий в русском и осетинском языках в аспекте детального сопоставительного анализа в плане выражения и содержания.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут найти применение при анализе междометий на различном языковом материале, при составлении учебно-методических пособий, чтении курсов по грамматике, теории перевода, преподавании русского и осетинского языков. Фактический материал может иметь прикладное значение для лексикографического представления ИЕ и служить основой для создания словаря междометий осетинского языка. Итоги и выводы, полученные в ходе исследования, внесут определенный вклад в теорию и практику перевода.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Междометия представляют собой языковую универсалию, связанную с эмоциональной сферой человека и отличаются от других языковых единиц необычным фонетическим оформлением, семантико-стилистическими особенностями и специфической функцией в речи.

2. Семантика ИЕ тесно связана с интонационными, орфоэпическими нормами языка, с этнокультурными традициями и историей этноса – носителя определенного языка.

3. Междометия – единицы с выраженной национальной спецификой, которая проявляется в особенностях их употребления в речи в зависимости от гендерной, возрастной и социокультурной принадлежности субъекта.

4. Семантическое содержание междометия характеризуется значительной зависимостью от контекста и ситуации общения.

5. Междометные единицы выполняют важную функцию в художественном тексте для создания художественного образа в силу их экспрессивного потенциала и этнокультурной специфики.

6. Сопоставительное изучение междометий позволяет отразить семантико-стилистическую, социально-гендерную, этнокультурную специфику в лексикографических источниках.

7. Целесообразное использование междометий в речи способствует успешной межкультурной коммуникации.

8. Полноценный перевод междометий с одного языка на другой обеспечивается функционально адекватным вариантом.

Апробация основных положений и результатов исследования. Диссертация обсуждена на расширенном заседании отдела осетинского языкознания и отдела литературы и фольклора Учреждения Российской академии наук Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-А.

Основные положения диссертационного исследования были представлены в докладах и сообщениях на международных, всероссийских, региональных и межвузовских научных конференциях, семинарах (Пятигорск, 1997, 2005; Днепропетровск, Белгород, 2005; Нальчик, 2006; Сухум, 2007; Ростов-на-Дону, 2009; Владикавказ, 2002-2009).

Результаты исследования отражены в 33 научных публикациях по теме исследования, в том числе в двух монографиях, семи статьях, опубликованных в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Российской Федерации.

Апробация результатов исследования осуществлялась в 2006-2009 гг. посредством разработанных нами спецкурсов, предназначенных для гуманитарных факультетов вузов. В ГОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова» они прошли апробацию и внедрены в учебный процесс на факультетах психологии и социальной работы.

Разработка отдельных положений диссертационного исследования поддержана грантом Президента Российской Федерации для молодых ученых – кандидатов наук (2006-2007) и грантами Российского гуманитарного научного фонда (2005-2006; 2008-2009).

Структура работы определяется поставленными в ней целями и задачами, а также спецификой анализируемого материала. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии, списков словарей и сокращенных названий источников исследования.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается актуальность выбранной темы исследования, ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость, определяются объект и предмет, цель и задачи исследования, его методологическая основа и методы, формулируются положения, выносимые на защиту.

Первая глава **«Общетеоретические основы исследования междометий: история и современное состояние вопроса»** состоит из пяти параграфов.

В первом параграфе рассматриваются теоретические и методологические вопросы изучения междометия в зарубежном и отечественном языкознании.

В лингвистической литературе статус и объем междометий квалифицируется по-разному, что объясняется неоднородностью оснований, по которым они выделяются, а также своеобразием их семантико-грамматической структуры и звуковой формы.

История изучения междометий показывает, что, как в зарубежном, так и в отечественном – русском и осетинском языкознании, трактовка междометия является одной из спорных областей науки о языке. Разногласия в определении лингвистического статуса междометий связаны и с вопросами возникновения языка, в частности, с междометной теорией происхождения языка. «Междометная теория объясняет происхождение языка теми переживаниями, которые испытывает человек. Первые слова, по этой теории,

– произвольные выкрики, междометия, рефлексии. Они эмоционально выражали боль и радость, страх и голод» [Кодухов, 1987: 47].

А.А. Потебня считал, что «...слова должны были образоваться из междометий, потому что только в них человек мог найти членораздельный звук. Таким образом, первобытные междометия по своей последующей судьбе распадаются на такие, которые навсегда остались междометиями, и на такие, которые с незапамятных времен потеряли свой интеръекционный характер». [Потебня, 1913: 73]. Сторонниками междометной теории происхождения языка были Ж.-Ж. Руссо, Ч. Дарвин, Д.Н. Кудрявский и др.

Противоречивое толкование лингвистами междометий наблюдается уже в античных грамматиках. В освещении лингвистами сущности междометий и их места в системе языка можно обозначить три концепции, основные положения которых сводятся к следующим:

а) междометие является словом и частью речи, имеет многообразные функции в речи [М.В. Ломоносов, А.А. Шахматов, В.В. Виноградов, Г. Пауль, Г. Суит и др.];

б) междометия не признаются частью речи, отождествляются с инстинктивными звуками и рефлексивными выкриками [А.И. Греч, Д.Н. Кудрявский, К.С. Аксаков, Д.Н. Овсянко-Куликовский, В. Гумбольдт, М.Мюллер, В. Вундт и др.];

в) междометия стоят за пределами логического языка, представляя собой особый аффективный язык [Ш. Балли, Ж. Вандриес, А.А. Потебня и др.].

В лингвистических исследованиях наблюдаются значительные расхождения относительно категориальной принадлежности междометий.

При решении данного вопроса многие языковеды включают в состав ИЕ любые эмоционально окрашенные слова, звукоподражания, выражения речевого этикета, слова, произнесенные с особой экспрессией, а также отождествление интеръективизмов с рефлексивными звуками. Звукоподражания и интеръекционные единицы значительно разнятся по происхождению, семантическому содержанию и функции в речи. Л.В. Щерба указывал, что «...так называемые звукоподражательные мяу-мяу, вау-вау и т. п. нет никаких оснований относить к междометиям» [Л.В. Щерба. О частях речи в русском языке // Русская речь. Л., 1928. С. 9]. Междометия обладают мотивными, когнитивными или волевыми значениями, понятными для носителей определенного языка. Ономастопозитивные слова не содержат эмоций или волеизъявлений, представляют собой приблизительное, условное воспроизведение языковыми средствами явлений действительности. В тексте они усиливают его экспрессивность, выразительность, но не выражают эмоционального значения, поэтому включение их в категорию интеръекционных единиц является необоснованным.

Неоднозначное толкование статуса междометий в теории языкознания отразилось и в лексикографической репрезентации этих единиц. В словарях наблюдается смешение звукоподражательных слов и производных междометий. Звукоподражания чаще всего характеризуются как «звукоподражательные междометия» или называются междометиями. В

нашем исследовании мы считаем звукоподражания и междометия единицами разной структурно-семантической организации.

Не являются междометиями инстинктивные выкрики и рефлекторные звуки, сближающиеся с ИЕ генетической связью, совпадением фонетического оформления и графического изображения. Инстинктивный выкрик может иметь одинаковое звучание у представителей разных языковых групп, а междометие представляет собой условное выражение эмоции и выполняет в речи коммуникативную функцию: «При изучении французского языка англичанину нужно научиться употреблять *helas* вместо *alas* (увы), но вздыхать можно так же как обычно» [Стивенсон Ч. Некоторые прагматические аспекты значений // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 130].

Слова речевого этикета в диссертации также не рассматриваются в категории междометий, так как представляют специальную функционально-семантическую сферу регулировки правил речевого поведения.

Функциональная и семантическая основа междометий опирается на такие сложные понятия как эмоциональность и экспрессивность. В отечественном языкознании существуют различные определения экспрессивности и эмоциональности. Некоторые ученые считают их тождественными [А.А. Реформатский, В.А. Звегинцев], другие рассматривают их как отдельные понятия [Е.М. Галкина-Федорук, Е.М. Вольф, В.Н. Телия и др.].

Эмоциональность отражается в языке в эмоциональном значении или эмоциональной окраске языковых единиц. Для передачи субъективно-оценочного отношения к фактам действительности служит в языке эмоционально окрашенная лексика, в которой эмоциональное значение выражено менее четко предметно-логического значения. Эмоциональное значение, выражающее эмоции, характерно чисто эмоциональной лексике и фразеологии, наиболее яркими представителями которых являются междометия.

Эмоциональность как психологическая категория на языковом уровне преобразуется в эмотивность: «Эмотивный – то же, что эмоциональный, но о языке, его единицах и их семантике. Эмотивность – имманентно присущее языку семантическое свойство выразить системой своих средств эмоциональность как факт психики» [Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987. С. 24]. Вслед за В.И.Шаховским Л.А. Пиотровская, принимая за основу функциональный подход к языку, определяет «эмотивность как функцию языковых единиц, связанную с выражением эмоционального отношения говорящего к объективной действительности непосредственно или содержанию значимых единиц языка (номинативных и коммуникативных)» [Пиотровская Л.А. Эмотивность как языковая категория // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. Вып. 2. 1993. С. 42].

Языковые единицы, выполняющие эмотивную функцию, в диссертации рассматриваются как эмотивные.

В языкознании, в зависимости от способа вербализации эмоций, выделяют знаки понятийного называния эмоций, знаки для их выражения и знаки, используемые для обозначения симптомов эмоций. В плане эмотивности знаки, непосредственно выражающие эмоции, отличаются от знаков, описывающих эмоции, и от знаков, называющих эмоции, так как эмотивными являются знаки, прямо выражающие эмоции, а знаки, называющие эмоции, квалифицируются как ассоциативно-эмотивная лексика, но не являются эмотивными [В.И. Шаховский]. Междометия относятся к собственно эмотивной лексике, так как они непосредственно выражают эмоции, не называя их при этом.

Одной из характерных особенностей положения ИЕ среди других частей речи является постоянное пополнение данного класса языковых единиц. По происхождению и способу образования в языке выделяются производные и непроизводные междометия.

Переход в разряд междометий слов из других частей речи происходит в результате функционально-семантического преобразования слов из других лексико-грамматических разрядов и фразеологизированных единиц в процессе интеръективации. Слова из состава различных частей речи в процессе интеръективации существенно меняют свою «внешнюю форму», теряют свою «внутреннюю форму» и превращаются в «слова-восклицания», в «речевой рефлекс» на речь собеседника или какое-либо явление действительности [А.И.Германович]. Утрата лексического значения и номинативной функции словами и выражениями при переходе в разряд междометий является основным условием интеръективации.

В языке наблюдается также процесс перехода междометий в состав других частей речи. Например:

День ее до того был напичкан всякими занятиями, *охами да ахами*, что ей и опомниться некогда (И. Тургенев. Отцы и дети).

– Мне сейчас сказывал один барин, что эта госпожа – *ой-ой-ой*; да барин-то, кажется дурак. Ну, а по-твоему, что она точно – *ой-ой-ой*? (И. Тургенев. Отцы и дети).

Междометия, употребленные в значении знаменательных слов, перестают быть собственно междометиями, так как приобретают номинативное значение, в определенной степени теряют свою «внутреннюю форму» и выступают в роли членов предложения [А.А. Потенция]. Междометие, формально являясь словом, в речи выступает как эквивалент предложения.

Во втором параграфе рассматриваются особенности звукового оформления и вопросы графической репрезентации производных междометий.

Междометия составляют специфическую группу слов, которые отличаются от других частей речи как по своим внешним грамматическим признакам и функции в речи, так и по фонетической характеристике.

С. Карцевский указывал: «...звуковая структура междометий не подчиняется полностью закономерностям фонологической системы. ...междометия принадлежат не концептуальному плану... То, что называют

«фонологической системой», управляет звуковой структурой концептуальных семиологических планов и, в первую очередь, звуковой структурой слов, организованных в части речи. Но ее воздействие практически не распространяется на неконцептуальный план, к которому принадлежат междометия» [Карцевский С. Введение в изучение междометий // Вопросы языкознания. 1984. №6. С. 129].

Своеобразие звукового состава междометий подтверждается многочисленными примерами. Так, в русской устной речи функционируют непроемные междометия, адекватное графическое обозначение которых не представляется возможным, ввиду их необычного звукового состава.

Причиной вариативности, наблюдающейся на письме, является специфичность звуковой системы междометий, имеющей в своем составе звуки, не характерные для фонетического состава языка в целом, так как «междометие не всегда подчиняется фонетическим законам и включает в себе часто фонемы, принадлежащие только ему...» [Ж. Вандриес. Язык. М., 1937. С. 114]. Известно, что междометия в устной речи характеризуются большей вариативностью, чем в письменной форме речи, как в плане содержания, так и в плане выражения. Кроме того, в устной речи широкое употребление имеют интеръективизмы, произносимые с закрытым ртом, которые не отражены в словарях, ввиду сложности их лексикографической репрезентации и отсутствия для них адекватного графического обозначения. Для полного описания семантики этих междометий важна информация о произношении, мимике, жестах, интонации, так как «интонационные, фонетические особенности междометий, их аффективная окраска, их моторно-мимическое и жестовое сопровождение составляют чрезвычайно важную сторону их смыслового строя» [В.В. Виноградов. Русский язык. М., 1972. С. 584]. Междометия, графически передаваемые как «м-м-м», «гм», «угу», произносятся с закрытым ртом, с сильно редуцированным гласным звуком. В зависимости от интонации, высоты тона, мимики, жестов, данные ИЕ способны выражать самые разнообразные значения.

В системе междометий осетинского языка также имеются ИЕ, состоящие из «особых» звуков, не встречающихся в фонетическом составе других частей речи. Так, интеръективизмы, обозначаемые на письме как «æгъа!», «æхха!», «æгъи», «æххи» и т.п., содержат напряженный, редуцированный гласный, произносимый с сильным выдохом.

Междометия, произносимые с закрытым ртом (условно передадим их как «гымм»), часто употребляемые в речи осетин со значением удивления, недоумения, содержат носовой звук, произносимый на выдохе:

«*Гымм, маæа цы диссагтаæ фехъуыстон!*» – «*Боже, что я слышу!*»

Междометие, передающее испуг, сильное удивление, характеризуется необычным звуком, произносимым при неожиданном вдохе, причем в зависимости от протяжности этого звука усиливается или уменьшается интенсивность выражения эмоции. Условно обозначим его «мм». По значению это междометие близко к ИЕ осетинского языка «а», которая также произносится при неожиданном вдохе, но с открытым ртом.

«*Мм! Даæхи хъахъхъæн, хауыс!*» – «*Ой! Будь осторожен, упадешь!*»

Следует отметить, что подавляющее большинство междометий, произносимых с закрытым ртом, содержат (представляют собой) звуки, не характерные для фонетической системы осетинского языка. Так, интеръективизм «гм-м-м» (с протяжным «м») – произносится на выдохе, выражает догадку с оттенком припоминания, удивления:

«Гм-м-м, аерхъуыды йæ кодтон. Фарон фембалдыстæм на сыхæгтæм» – «**А-а**, вспомнила я его. В прошлом году мы виделись у моих соседей».

В зависимости от речевой ситуации это же междометие (при произнесении более высоким тоном) может выражать ироничное отношение к чему-либо:

«Г-м-м-м! Дæу хуызæн зондджын зæххы цъарыл нал ис». – «**Гмм!** Умнее тебя человека на всей земле не найти!»

При более протяжном произношении – передает удовольствие:

«Г-м-м-м, цы дзæбæх чъиритæ акодтай, на ус!» – «**Ах**, какие вкусные пироги ты приготовила, хозяйка!»

Специфические звуки содержат «цокающие» и «щелкающие» междометия. Некий щелевой звук, отсутствующий в фонологической системе осетинского языка, встречается в интеръективизмах, обозначаемых на письме «оф», «уф», «ф-ф» и т. п. Не отражается на письме регулярным способом междометие, семантическое содержание которого можно передать глаголом «хмыкнуть»:

«Хм! Ды та цы зоныс!» – «**Хм!** Да что ты знаешь!»

«Хъм! Наæ лаг дзы куы наæ зæгъа!» – «**Хм!** Наш-то как скажет...»

Междометия в русском и осетинском языках отличаются от других языковых единиц особым звуковым составом и графическим представлением.

В третьем параграфе рассмотрены различные семантические классификации ИЕ.

Одним из наиболее сложных вопросов многокомпонентного анализа междометия является определение его семантического содержания, которое непосредственно связано с эмоциональным или волеизъявительным поведением человека в конкретной речевой ситуации. Сложность определения семантики междометий обусловлена наличием в любом языке однозначных и многозначных (диффузных) междометий. «Междометия с семантически диффузными функциями передают общее состояние возбуждения, и потому могут использоваться для выражения разнородных душевных состояний... С опорой на содержание и общую эмоциональную окрашенность речи одно и то же междометие может выражать одобрение и порицание, испуг и радость, восхищение и презрение, страх и решимость. В сужении и уточнении семантики таких междометий велика роль интонации, мимики, жеста» [Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 290].

По семантике и коммуникативно-речевой направленности в языкознании традиционно выделяются две основные группы междометий: эмоциональные и волеизъявительные. В настоящем исследовании мы

оперируем терминами эмотивные и волитивные ИЕ, а междометия логической (интеллективной) оценки, выделяемые некоторыми лингвистами в составе эмоционально-оценочных [Л.П. Карпов, А.П. Ляшенко], в современной терминологии обозначаются как «когнитивные междометия».

В осетиноведении, как и в общем языкознании, наблюдается неоднородность описания ИЕ [Гагкаев, 1953; Багаев, 1963, и др.]. Обращаясь к лингвистической литературе, посвященной вопросам изучения междометий, можно отметить, что в грамматиках и учебниках осетинского языка даются различные классификации ИЕ, а к разряду междометий лингвисты относят как собственно ИЕ, так и звукоподражания, слова речевого этикета, условные словесные прозвища и т.п.

В «Грамматике осетинского языка» приводится семантическая классификация осетинских междометий, которые разделены по коммуникативной направленности на три большие группы:

1. Эмоциональные, выражающие различные эмоции, среди которых:
  - а) ситуационные, значение которых становится понятным в определенной ситуации;
  - б) значимые (эмоционально-оценочные).
2. Императивные.
3. Общего характера, к которым отнесены формулы приветствия и прощания, пожеланий, проклятий и т. п.

Важное замечание сделано в «Грамматике...» по поводу национальной специфики осетинских междометий. В группе вторичных междометий выделяются ИЕ, употребляемые в речи преимущественно мужчинами, и сочетания, встречающиеся чаще или только в речи женщин [Грамматика осетинского языка, 1963: 323-328].

Большой вклад в изучение эмотивной лексики и фразеологии осетинского языка внес профессор М.И. Исаев. В 1964 году была опубликована его монография «Очерки по фразеологии осетинского языка», ставшая первым специальным исследованием по данной проблеме. В книге подробно рассматриваются состав, структурно-семантическое и грамматическое описание фразеологии осетинского языка. Анализируя структуру, значение и грамматическую характеристику устойчивых сочетаний осетинского языка, автор выделяет фразеологические единицы междометного характера, проводит детальное описание их семантического содержания, указывая на особенности перевода междометных фразеологических единиц с одного языка на другой [Исаев М.И. Очерки по фразеологии осетинского языка. Орджоникидзе, 1964].

Особый интерес представляет характеристика междометий дигорского варианта осетинского языка в монографии М.И. Исаева «Дигорский диалект осетинского языка», так как диалектные сходства и различия интеръекционных единиц имеют большое значение для полного описания системы междометия осетинского языка. Все междометия по образованию разделены на первичные и вторичные, дана их структурно-семантическая классификация. При описании производных (вторичных) междометий автор

указывает на особенности семантического содержания и трудности перевода [Исаев М.И. Дигорский диалект осетинского языка. М., 1966].

В составе эмотивных ИЕ русского и осетинского языков в реферируемой диссертации выделены междометия эмоционального состояния и эмоциональной оценки. Среди волитивных междометий отметим группы вокативных и императивных ИЕ. К когнитивным мы относим междометиям, отражающие состояние сознания субъекта в момент речевого общения, функция которых состоит в сообщении о восприятии полученной информации. В данной группе рассматриваются междометия, выражающие припоминание, догадку, согласие, несогласие, утверждение, возражение и т.п. При этом междометия в силу их функциональной специфичности и в зависимости от речевой ситуации, могут содержать как когнитивный, так и эмотивный компоненты смыслов.

Четвертый параграф посвящен проблеме перевода междометий. Вопросы передачи интеръекционных единиц с одного языка на другой занимают неоправданно малое место в трудах известных теоретиков перевода. Отсутствие четко разработанной теоретической базы данной проблемы естественным образом оказывает негативное влияние на качество перевода того или иного произведения, так как междометия обладают большим речевым потенциалом. Трудности, с которыми сталкивается переводчик при передаче междометий с одного языка на другой, не всегда легко преодолимы, ввиду недостаточной разработанности данного вопроса в теории перевода и лексикографической репрезентации ИЕ. При переводе большое значение имеет установление функционального тождества между единицей языка оригинала и соответствующей единицей языка перевода, так как «полноценность перевода состоит в передаче специфического для подлинника соотношения содержания и формы путем воспроизведения особенностей последней (если это возможно по языковым условиям) или создания функциональных соответствий этим особенностям. Это предполагает использование таких языковых средств, которые часто и не совпадая по своему формальному характеру с элементами подлинника, но соответствуя норме языка перевода, выполняли бы аналогичную выразительную функцию в системе целого» [Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М., 1953. С. 114].

Применительно к переводу, функция отдельной единицы текста языка оригинала понимается нами как значение в рамках определенного контекста.

Следует отметить, что в языке перевода в большинстве случаев имеются закономерные соответствия для интеръекционных единиц исходного языка. Однако задача переводчика осложняется тем, что междометия в системе языка (как словарные единицы) имеют несколько иные свойства, чем в процессе речевого общения. В речи междометные образования встречаются значительно чаще, и передаваемые ими значения разнообразнее, чем в словарях. При этом очень важно правильно определить интонацию, с которой произносится то или иное междометие в конкретной речевой ситуации, так как именно интонация во многом определяет семантическое содержание интеръективизма. Поэтому для обеспечения

полной адекватности при переводе ИЕ необходимо различать их варианты и инварианты, как в исходном языке, так и в языке перевода, учитывая при этом, насколько экспрессивно-эмоциональные оттенки каждой ИЕ языка перевода соответствуют в контексте, в речевой ситуации экспрессивно-эмоциональным оттенкам ИЕ в языке оригинала [Л.А. Ляшенко].

Характерной чертой междометия является тесная связь его семантики с национально-культурной традицией и историей народа – носителя соответствующего языка, с интонационными и орфоэпическими нормами и особенностями определенного языка.

Так, при переводе с русского на осетинский язык важно знать, что в осетинском языке выделяются междометия, употребляемые преимущественно мужчинами, и интеръективизмы, чаще всего встречающиеся в речи женщин. Понятно, что незнание или игнорирование этой особенности в речи осетин может привести к ощущению неправильного эмоционального поведения субъекта в момент речевого общения или нарушению стилистики произведения, авторского замысла.

Определение эквивалентов для передачи с одного языка на другой производных междометий вызывает отдельные сложности. В большинстве случаев оказывается невозможным использовать буквальный перевод находящегося в основе междометия значимого слова. Необходимо подобрать контекстно-подходящие междометные выражения в языке перевода, нередко полностью отличающиеся от междометных единиц исходного языка по своей этимологии.

При переводе важно учитывать, что семантически синонимичные ИЕ, не различаясь или почти не различаясь по значению, могут быть совершенно разными по стилистическому употреблению. Стилистическая дифференциация характеризует особенности речи говорящих, их принадлежность к определенной социальной среде или группе. Сравним, например: «О, Боже!», «Господи!», «Бог ты мой!», «Мать честная!», «Святители-угодники!», «О, Хуыцау!», «Хуыцауы гæрах!», «Хуыцау маæ фæдта!» и т.п.

Внимательность требуется от переводчика при полисемии и омонимии переводимых единиц, так как внешне идентичные междометия в той или иной речевой ситуации нередко имеют различное семантическое содержание.

Так, междометие русского языка **ах**, имеющее широкое употребление в произведениях художественной литературы, способно выражать радость, испуг, удивление, припоминание, осуждение и некоторые другие чувства и эмоции. На осетинский язык **ах** переводят функционально соответствующими междометиями. Например, выражаемое им припоминание закономерно передается на осетинский язык ИЕ **о, ох, ухх**:

«**Ах!** Я было, и забыл благодарить тебя за лошадь и тулуп...»
(А.Пушкин, Капитанская дочка). – «– **О**, чысыл ма бахъуыд, айрох ма
уа дауаен бах æмæ кæрцы тыххæй арфæ ракæнын!»

Досада, недовольство, возмущение – междометиями **охх, ухх, ехх**:

– **Ах**, Петр Андреич! – сказала она, сплеснув руками. – Какой денек!
Какие страсти! (А. Пушкин. Капитанская дочка). – «– **Ох**, Петр

Андрейы фырт! – загъта уый, йæ къухтæй йæ цæсгомма фæлабургайæ. Цы бон ныл æркодта! Цы æбуалгъ бон!»

– **Ах** и тошно мне, тошно мне, то-ошно-о!.. (М. Горький. Коновалов). – «**Ухх**, маæ зæрдаæ уынгæг кæны! Уынгæ-æг!...»

Междометие **ах**, употребляющееся с расширением: «ах ты», «ах вы» и т.п. передающее угрозу, негодование, адекватно переводится на осетинский язык функционально соответствующими ИЕ: **гъе, гъы, гъæ**:

– **Ах ты**, бестия эдакая, ведьма!.. (Н. Гоголь. Женидьба). – «**Гъæ**, æнаккаг, куырысмæдзæуæг!..»

– **Ах**, шельма клейменная, – ишь ты? Царским именем прикрылся и мутит... (М. Горький. Коновалов). – «– **Гъе**, æнаккаг, нæ йæм кæсыс!..»

В случаях передачи междометия на язык перевода методом транслитерации нередко нарушается семантика текста, стиль повествования, создается ощущение «неполноценности» языка перевода и неправильного эмоционального поведения персонажа. Например.

– **Ах**, ведь вы не знаете, с ней ведь история приключилась (Н. Гоголь. Женидьба). – «**Ах**, нæ фехъуыстай, цы йыл æрцыд, уый?»

Следует отметить, что в осетинском языке данное междометие встречается значительно реже, чем в русском языке, поэтому сохранение ИЕ **ах** в переводе, создает впечатление «чужеродности» междометия в контексте.

В нижеследующем примере передача на осетинский язык междометия «ба», с разницей лишь в количестве повторов ИЕ, приводит к нарушению семантики высказывания, так как в языке перевода нет междометия **ба**, и для читателя может быть непонятно, что оно означает:

– **Ба, ба, ба, ба!** – сказал старик. – Теперь понимаю: ты видно, в Марию Ивановну влюблен! (А. Пушкин. Капитанская дочка). – «– **Ба, ба, ба!** – загъта зæронд лæг. – *Бамбæрстон ныр, ды, æвæццæгæн, уарзыс Мария Иванны чызджы!*»

Интересно, что в другом случае это междометие переведено функционально соответствующим интеръективизмом, выражающим удивление, наиболее точно передающим семантическое содержание высказывания:

– **Ба, ба, ба**, Петр Андреич! Какими судьбами? Откуда ты? (А. Пушкин. Капитанская дочка). – «– **Уæу, уæу, уæу**, Петр Андрейы фырт! Цы да æрбахаста ардæм? Кæцæй?»

Транслитерация междометий **э, эге, эх**, используемая при переводе на осетинский язык, нередко приводит к ощущению неполноценности языка перевода, его «русификации». Приведем примеры, подтверждающие нашу мысль:

– **Э**, барин! с вами, звать, всего не переговоришь, – возразил старик с досадой (И. Тургенев. Отцы и дети). – «– **Э**, барин! дауимаæ дзырд нукуы фæуыдзынæн, – загъта зæронд маестыйæ».

– **Э**, голубчик! обманывай других этим... (Н. Гоголь. Женидьба). – «– **Э**, маæ хур! уыцы ныхæстæй æндæр искайы сай...».

Некоторые трудности возникают и при переводе с одного языка на другой волитивных интеръективизмов. Как в осетинском, так и в русском языке выделяют волитивные междометия, обращенные к человеку, и междометия, обращенные к животным.

Так, среди междометий осетинского языка, обращенных к животным, имеются существенные территориальные диалектные различия. Поэтому при передаче их с одного языка на другой, транслитерация интеръективизма может привести к нарушению семантического содержания всего текста. Наиболее релевантным представляется их перевод функционально соответствующими междометиями, с достаточным для определения семантики контекстом, авторскими пояснениями.

Анализ семантических соотношений ИЕ в контактирующих при переводе языках способствует выявлению определенных различий и соответствий, закономерных сходств ИЕ обоих языков, выработке адекватных методов передачи междометий и междометных образований с одного языка на другой – выделению эквивалентов, аналогов и адекватных замен единиц исходного языка средствами языка перевода.

Семантическая и стилистическая нагрузка междометий в речи, в контексте произведения настолько значительна, что игнорирование их передачи на язык перевода может привести к нарушению всего переводимого предложения или абзаца, в котором употребляется интеръективизм. Для адекватного перевода следует учитывать широкий контекст, специфику происхождения и этнокультурные особенности использования междометной единицы.

В пятом параграфе рассмотрены вопросы лексикографической репрезентации междометий.

Проведение многоаспектного анализа междометий в осетинском и русском языках непосредственно связано с их лексикографическим представлением. Для определения значений, передаваемых конкретной ИЕ, и сопоставления семантического содержания междометий русского и осетинского языков были изучены данные одноязычных и двуязычных словарей.

Следует заметить, что традиционная система представления интеръекционных единиц в словарях не способна в полном масштабе отразить семантику междометия [Добрушина, 1996]. Словарная статья междометия в одноязычных словарях, как правило, содержит неполный перечень эмоций, передаваемых данной интеръекционной единицей, и примеры. При этом нередко различные, даже противоположные эмоции не разграничиваются, а примеры приводятся не ко всем названным значениям, иногда без достаточного контекста для понимания семантики междометия и дополнительных пояснений. Словарное представление интеръекционных единиц требует значительного расширения помещаемых в статью сведений. Лексикографическое толкование междометия должно включать в себя как адекватное семантическое описание, так и сведения о звуковых вариантах интеръективизма, его стилистическом употреблении, способах графического изображения, произношения. Желательна информация о мимике, жестах,

которыми сопровождается то или иное междометие. Для этого необходимо создание специального словаря междометий.

Значительным событием для осетиноведения и, в частности, для осетинской лексикографии явилось издание в 2007 году первого тома «Толкового словаря осетинского языка» под редакцией Н.Я. Габараева. В первом томе названного словаря характеризуется около восьми тысяч слов современного осетинского языка. В словарной статье дается толкование значений слова, приводятся его основные грамматические формы, слово снабжено стилистическими пометами, словарные статьи иллюстрированы.

Описание междометия состоит из характеристики его семантического содержания и стилистической принадлежности, учитывается диффузность интеръективизмов, приводятся примеры с достаточным контекстом для понимания значения междометной единицы, указаны соответствующие междометия русского языка. В словаре рассматриваются как непроечные интеръекционные единицы: *а, а-гъа, ай, алаэ, ау, æ* и др., так и исторически произведенные: *æллаэх, араби* и т. п. Следует отметить, что в толковом словаре приводятся также областные междометные единицы, что имеет большое значение для более полной лексикографической репрезентации интеръективизмов осетинского языка [Толковый словарь осетинского языка. Т. 1. М. 2007].

Известно, что важнейшими помощниками переводчика являются двуязычные словари, однако не всегда словарные соответствия могут быть использованы в качестве готовых «универсалий» для передачи междометий на язык перевода, так как семантическое содержание той или иной ИЕ может варьироваться в зависимости от определенной речевой ситуации. Представление в словаре однозначного варианта перевода необъективно, так как междометие обладает огромной семантико-прагматической вариативностью.

На наш взгляд, в двуязычных словарях междометия должны быть представлены более широко. В словарной статье той или иной ИЕ желательна информация об особенностях употребления междометия, его стилистической нагрузке, а также перечисление вариантов написания (как известно, междометия имеют огромное разнообразие в области написания).

В осетинской лексикографии нет единого мнения о составе междометий, как первичных (непроизводных), так и вторичных (производных), наблюдается различное представление междометных единиц в осетинско-русских словарях, что в определенной степени объясняется нерешенными вопросами теории междометия, имеющих значительное влияние на их лексикографическое описание.

Сложность словарного представления междометия обусловлена специфичностью его значения, которое сложно передать традиционным способом, принятым для других слов языка, так как оно непосредственно выражает субъективно-чувственное отношение к действительности, не называя его при этом. Большое значение для определения семантики ИЕ имеет интонация, мимика, жест. Информация об этом в словарях обычно не содержится, несмотря на её актуальность. Отражение названных явлений в

словарной статье будет способствовать более полному описанию междометий и значительно облегчит задачу переводчика при передаче их с одного языка на другой.

Вторая глава «Непроизводные междометия в русском и осетинском языках» состоит из четырех параграфов.

В первом параграфе дана общая характеристика междометий, вводные замечания. Специфическая функция междометий заключается в том, что они реализуют в речи субъективно-чувственные реакции и волеизъявления человека. Многоаспектный анализ интеръективизмов, как особых коммуникативных единиц, непосредственно выражающих ментальное, эмотивное или волитивное значения, позволил выделить три основных разряда междометий: когнитивные, эмотивные и волитивные.

Когнитивные междометия передают общее отношение субъекта к высказыванию или происходящему и их модально-логическую оценку. В этом разряде междометий рассматриваются ИЕ, непосредственно выражающие модально-логическую (интеллективную) оценку речевой ситуации, не называя ее при этом – согласие, несогласие, неопределенное суждение, припоминание, догадку, понимание и т.п.

Функция **эмотивных** междометий заключается в том, чтобы выразить определенные эмоции субъекта (говорящего) в связи с тем или иным явлением, событием, высказыванием. В основе семантической структуры эмотивных ИЕ лежит мгновенная общая эмоциональная (отрицательная или положительная) реакция на окружающую действительность (вербальный или невербальный стимул), которая может иметь пассивное или активное проявление в поведении субъекта.

К общим постоянным оттенкам модальностей (наборов сем) эмотивных междометий относятся: 1) возбужденность эмоционального состояния; 2) эмоционально-оценочное отношение к происходящему. По этому признаку в разряде эмотивных междометий предлагается выделить два подразряда:

- а) ИЕ эмоционального состояния;
- б) ИЕ эмоциональной оценки.

Когнитивные и эмотивные ИЕ чаще всего выступают в речи в качестве реакции на вербальную информацию или невербальный стимул.

Волитивные междометия выражают определенные волеизъявления, желания. К данной группе ИЕ относятся междометия, традиционно называемые волеизъявительными, императивными или побудительными.

Общим признаком волитивных междометий является обращенность к реципиенту. По постоянным оттенкам их наборов сем выделяют:

- 1) вокативные ИЕ и 2) императивные ИЕ.

Различие оценок и типов интеллективного, эмоционального и волеизъявительного поведения субъекта определяет различие когнитивного, эмотивного и волитивного содержания компонентов смысла междометий в конкретной речевой ситуации.

На основе данной типологии междометий был проведен последовательный многоаспектный анализ модальностей (наборов сем) когнитивных, эмотивных и волитивных ИЕ в русском и осетинском языках.

Характеристика включает в себя описание произношения, семантического содержания междометия, реакции или степени выражения эмоции (активная, пассивная); для некоторых междометий дана информация об употреблении в речи мужчинами и женщинами, а также о частотности ИЕ в зависимости от принадлежности говорящего к той или иной возрастной группе. Приводятся варианты написания междометия. Для многих междометий нет точного графического обозначения, ввиду их необычного звукового состава, поэтому передача некоторых непрямых ИЕ на письме приводится с большой степенью условности.

Для получения объективных результатов и более полной характеристики ИЕ в плане содержания и в плане выражения, было проанализировано более 10000 контекстов, содержащих междометия, из которых около 800 приводятся в работе в качестве иллюстративного материала. Материалом для исследования функционирования ИЕ в письменной речи послужили контексты с использованием междометий в произведениях русской и осетинской художественной литературы (после каждого примера в круглых скобках указаны инициалы автора, из чьего произведения взят данный пример, перевод с осетинского языка, данный без указания переводчика, осуществлен нами, так как в большинстве случаев междометия в переводах игнорируются). Примеры, данные без указания источника, приводятся из наших собственных наблюдений за разговорной речью и сделанных нами для проведения экспериментального анализа аудиозаписей устной речи коммуникантов при их непосредственном общении.

Во втором параграфе дан анализ когнитивных междометий, способных отражать состояние сознания и мысли субъекта, содержащих информацию со значением заключения, неопределенного суждения, логической оценки, которые отличаются от всех других междометий тем, что носят «интеллектуальный характер», и совсем не обязательно предполагают «эмоциональную оркестровку», хотя и являются экспрессивно-образительными, непонятными словами [Л.П. Карпов].

В составе когнитивных междометий рассматриваются ИЕ, которые выражают: 1) узнавание, 2) припоминание, 3) догадку, 4) понимание, 5) утверждение, 6) возражение.

Так, например, в русском языке узнавание может выражаться междометием *а*, которое произносится на выдохе, более или менее протяжно, что на письме обозначается литерами «а»: А-а! А-а-а! Данное междометие содержит семантический компонент наблюдения, является реакцией на невербальную информацию, в высказывании для него более характерна препозитивная дистрибуция.

– А, старый хрыч! – сказал ему Пугачев, – опять бог дал свидеться
(А. Пушкин. Капитанская дочка).

Междометие *ба!* выражает узнавание, содержит семантический компонент неожиданности. Является активной реакцией на невербальный стимул. Может содержать в себе когнитивный и эмотивный компоненты смыслов – выражение узнавания с оттенком удивления. Употребляется чаще

всего в сочетании с обращением к адресату. Характеризуется начальной дистрибуцией.

– *Ба!* Никанор Иванович, – заорал дребезжающим тенором неожиданный гражданин и, вскочив, приветствовал председателя насильственным и внезапным рукопожатием

(М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

В осетинском языке узнавание выражается междометием *a-a*. Произносится на выдохе, протяжно, что иногда имеет графическое обозначение: *A-a-a!* На письме может быть обозначено как «а!», в равной степени с нормированным «а-а» [Орфографический словарь осетинского языка. 2002: 7]. Чаще всего имеет препозитивное употребление. Степень выражения факта восприятия информации активная. По значению близко к русскому междометию *a!*

– Дæ бон хорз уа, Джыбы!

– Кæй бон у, уый хорзæх уæ уæд, уæ рын бахæрон. Кæй лæппутæ стут, кæ? – бафарста, стæй сæм скаст Джыбы.

– *A-a!* – базыдта Бардины. – Уый мæ сæфт хæрæфырт куы дæ.

(Джусойты Нафи. Дыууадæс цæфы...). – «Доброго дня тебе, Джыбы! – Да благословит вас покровитель сегодняшнего дня, съест мне ваши болезни. Чьи вы парни? – спросив, взглянул на них Джыбы. – *A-a!* – узнал он Бардина. – Это же мой пропавший племянник».

В русском языке при выражении несогласия, возражения может использоваться непроизводное междометие *ой!*, э и др.

В осетинском языке возражение, несогласие с оттенком неудовольствия может передаваться междометиями *o-o!*, *ой!* и др.

Так, при использовании в речи *ой* степень реакции на воспринятую информацию, выражаемую междометием, более активная, чем при употреблении *ой* в значении возражения в русском языке. Имеет препозитивную дистрибуцию, семантически близко к междометиям русского языка *ой*, *о*, *что ты*, и т. п. Например:

–...*дарддæр та дæ зæрды цы ис, куыд цæрынмæ хъавыс? Æви нал уарзыс Майрæмы...* – *Ой, Дзерасса! Цытæ дзурыс! Кæд цæрын, уæд уый тыххæй куы цæрын, уый цæра куы кæнын...*

(Токаты А. Катя). – «– А как ты думаешь жить дальше? Или ты разлюбила Майрама? – *Что ты, Дзерасса!*.. Я не могу без него...

Скажи, он не сердится на меня?» (пер. Х-М. Мурзиев).

Анализ междометий в осетинском и русском языках показывает, что для непроизводных когнитивных междометий в обоих языках характерна полисемия. Однако многозначность междометий не вызывает трудностей у носителя языка, так как она устраняется с помощью невербального или вербального контекста, интонацией и паралингвистическими средствами.

В третьем параграфе характеризуется разряд эмотивных междометий. Анализ общих оттенков эмотивных междометий и максимальной обусловленности их конкретного значения речевой ситуацией позволил проследить семантические границы непроизводных ИЕ данного разряда и обозначить их семантические подразряды и группы по характеру

передаваемых ими эмоций, и эмоциональных оценок субъекта по отношению к ситуации общения. К эмотивным междометиям относятся ИЕ, выполняющие функцию выражения эмоциональной оценки или эмоционального состояния говорящего, т.е. разряд эмотивных ИЕ в русском и осетинском языках можно условно разделить на два подразряда:

- 1) междометия эмоционального состояния,
- 2) эмоционально-оценочные междометия, в семантике которых существенную роль играет оценка, отношение субъекта к ситуации общения.

Условность такого разделения обусловлена известной взаимосвязью эмотивности и оценочности.

Для определения семантического содержания междометия важно учитывать особенности самих эмоций: модальность, направленность, тональность, интенсивность.

Междометия эмоционального состояния при положительной тональности эмоции и активном проявлении в поведении субъекта (говорящего) выражают: 1) радость; 2) удовлетворение, облегчение; при отрицательной тональности эмоции и активном эмоциональном поведении субъекта: 1) гнев, негодование; 2) страх; 3) тревогу, беспокойство; 4) горе, отчаяние; 5) боль, душевные страдания; 6) злорадство – «эмоциональный гибрид», имеющий в основе две эмоциональные доминанты гнев и радость, при сложной тональности (–/+), и активном проявлении эмотивной реакции у говорящего.

Так, в осетинском языке в значении радости в устной и письменной речи встречается междометие *гъе*. Степень выражения эмоции активная. Может быть реакцией на какое-либо событие, известие. Обычно употребляется в начале, реже в конце высказывания. По значению близко к междометию русского языка *во-во*.

Æ л д а р. *Гъе, гъе*, ма хуртæ, уый хъуыддаг у, *гъе!* Цæ бæрц дзы ис, – ныккæнæн дæр сын нал ис: Хæцæнгарз, цыллæ, цахх, фæрæттæ... Гъым! Æрмæстдæр ма дзы маргъы'хсыр нæ зыны! – Фæхъуыртхъом та уыдзыстæм ныр, а-гъай! (Плиты Г.). – «А л д а р. Да, вот это дело! Отменная добыча нам досталась – Оружье, порох, кони и товары. Лишь птичьего не видно молока! Ха-ха, ха-ха! Вновь обрели мы силу!» (пер. Плиты Г.).

В русском языке радость может передаваться междометиями *ах*, *о*, *эх*, *ой* и др. Например, *ой* со значением радости содержит семантический компонент неожиданности. Употребляется в устной и письменной речи в качестве положительной реакции на какую-либо неожиданную вербальную или невербальную информацию. Степень выражения эмоции активная. Для междометия характерна препозитивная дистрибуция. Рассматривая употребление «ой» в польском и русском языках, А.Вежицкая указывает на значение слабости и растерянности, выражаемое данным междометием: «Когда говорящий ощущает полный контроль над ситуацией, едва ли возможно употребление ой» [Wierzbicka, 1991: 319]:

– Вернулся наш солдатик-то...

– *Ой*, правда? *Ой*, радость-то какая!

В осетинском языке возмущение, гнев в устной речи часто выражается междометиями *гъæй! у! ух! æдт, и-и!* и др.

При выражении гнева, негодования междометие *æдт* (встречается написание *æтт, гъæтт*) употребляется в начале проклятий, угроз, причитаний, пожеланий. В зависимости от ситуации выступает в качестве отрицательной реакции на невербальную и вербальную информацию. Прямого соответствия в русском языке нет, близко по значению к ИЕ *у! ух!* и т.п. Например:

Æтт, куыйтæ, паддзахы къæбылатæ!.. Фендзыстæм!..
(Брытъиаты Е.).

– «У, собаки, щенки царские!.. Посмотрим еще!..»

Междометие гнева *и-и* произносится на вдохе, при этом от степени интенсивности вдоха зависит проявление эмоционального значения междометия. Специального обозначения особенностей произношения на письме не имеет. Является активной отрицательной реакцией на неожиданное происшествие, информацию. Чаще встречается в речи женщин. Имеет препозитивную дистрибуцию. Значение данной ИЕ на русский язык можно передать: *а-а! (на вдохе), ух! ах ты!* и т.п.

«*И-и! Кæс ма, куыд ныппырх кодтой кæйдæр дзаума! Æз уын æртæккæ бацамондзынæн!*» – «*А-а! Ты смотри, как они разломали чужую вещь! Ну, я вам сейчас покажу!*»

Беспокойство, тревога в русском языке могут быть выражены междометиями *ай, ай-ай-ай, ой-ой-ой* и др. В речи выступают в качестве реакции на какое-либо происшествие, событие, либо на полученную вербальную информацию.

«*Ай-ай-ай!* – заметил генерал. – На дисциплину разбойников никак нельзя положиться. Что будет с бедной девушкой?» (А. Пушкин. Капитанская дочка).

В осетинском языке чувство беспокойства, тревоги в устной и письменной речи передается междометием *дадæй*. Употребляется в речи женщин. Встречаются варианты написания *дæ-дæ-дæй, дæдæдæй!* В речи выступает как активная эмоциональная реакция на вербальную информацию или невербальный стимул. В русском языке эквивалента не имеет. Адекватной заменой может служить междометие *ой-ой-ой* или производные междометия *о боже, бог мой* и т.п.

–...*Уæ «уазджытæ» аизар фæстæмæ æрбаздæхинаг нал уыдысты? – Нæ уыдысты... – Дæ-дæ-дæй, Сæниат, бирæ ма сæм куы фæкассæм... (Цæгæраты М.). – «– ...Ваши «гости» сегодня вечером не собирались вернуться? – Не собирались... – **Ой-ой-ой**, Саниат, если нам еще долго придется на них смотреть...»*

Междометие *æгъгъи* с семантическим содержанием беспокойства, предостережения, имеет наиболее частотное употребление в письменной форме речи. Имеет препозитивную дистрибуцию. По значению близко к интеръективизмам русского языка *э-ге!, ой, ой-ой, ох-ох* и т.п.

– *Æ-гъи*, кой дæр æй мауал скæн: мæ фыртгæ кæф ахсынмæ сты изæры сæ ардæм хъæуы, æмæ дæ куыддæр ам æрбаййафой, афтæ нарты

Сосланæй стæгдар дæр нал баззайдзæн: ахæрдзысты дæ (Нарты 1). – «– Э-ге! Не вздумай заикнуться об этом: мои сыновья пошли рыбу ловить, вечером они должны вернуться, и, если застанут тебя здесь, от нарта Сослана и костей не останется: съедят тебя!»

Пассивной интенсивностью характеризуется выражение 1) печали; 2) усталости.

Междометия эмоциональной оценки передают: а) положительное эмоционально-оценочное отношение: 1) удивление; 2) похвалу, поощрение; 3) восхищение; 4) желание, стремление;

б) отрицательное эмоционально-оценочное отношение: 1) порицание, недовольство; 2) презрение, отвращение; 3) сожаление, досаду; 4) сочувствие; 5) укоризну, упрек; 6) зависть; 7) иронию, пренебрежение; 8) неловкость, смущение; 9) пресыщение.

Определение четких границ между инвариантами вышеназванных подразрядов ИЕ иногда связано с некоторыми трудностями, так как эмотивные междометия в большинстве случаев характеризуются семантической зависимостью от контекста, т.е. одна и та же ИЕ, в зависимости от речевой ситуации, интонации может передавать различные, нередко противоположные эмоции, что обусловлено амбивалентностью самих эмоций.

Кроме узкокатегориальных признаков каждого подразряда – выражение эмоционального состояния или эмоционального отношения (оценки), большинство междометий связано с выражением устойчивого или полифункционального семантического содержания, т.е. в языке закономерно выделяются ИЕ с узкой семантикой, имеющие относительно стабильный набор сем и, выражающие различные, иногда противоположные эмоции.

В четвертом параграфе рассматриваются воликативные междометия, которые характеризуются обращенностью субъекта к адресату посредством различных волеизъявлений. По коммуникативной направленности воздействия на реципиента выделены апеллятивно-контактирующие, или вокативные междометия – выражающие призыв, обращение; и апеллятивно-побудительные, или императивные – побуждающие к какому-либо действию. Императивные междометия «функционально близки к повелительному наклонению и обнаруживают ряд общих с ним признаков» [ЛЭС:290], выражают побуждение к началу или продолжению действия; к отказу или прекращению действия. В.В. Виноградов указывал на то, что: «некоторые междометия этого класса, характеризующиеся особыми побудительными интонациями, требуют именных, а чаще местоименных объектов. Они переходны. Например: ну тебя, марш от меня» [Виноградов В.В. Русский язык. М., 1972. С. 593].

Основная функция вокативных междометий заключается в установлении контакта с реципиентом, которая реализуется в речевом акте в виде прямого или дистанционного обращения. В составе вокативных ИЕ были выделены междометия прямого контакта, служащие для привлечения внимания реципиента в форме призыва или обращения, и дистанционного контакта, передающие призыв откликнуться, зов о помощи и т.п.

Рассматриваются этнокультурные особенности употребления вокативных междометий в осетинском языке. Так, междометие *кс-кс* выражает оклик, обращение с целью привлечения внимания. Употребляется лицами женского пола по отношению к лицу, имя которого табуировано, или по каким-то причинам не может быть произнесено женщиной в момент речевой ситуации (например, с целью того, чтобы ее голос не был услышан кем-нибудь из старших мужчин, при которых, согласно обычаю, женщина не должна разговаривать). Данное междометие является устаревшей интеръекционной единицей и в настоящее время уже не используется в разговорной речи... Очень редко встречается в устной речи женщин старшего поколения. Нами зафиксированы лишь два случая использования в устной речи междометия *кс-кс* при обращении к мужу, в присутствии старших родственников. При этом, в обоих случаях женщины 85 и 87 лет применяли его во время рассказа о событиях своей молодости, повествуя об особенностях их семейных взаимоотношений.

Более широкое употребление данное междометие имеет в драматургии и в произведениях художественной литературы, в которых изображается жизнь осетин в более ранние исторические периоды. В письменной форме речи, описываемый интеръективизм имеет варианты графического обозначения *кыс-кыс; кс, кс, кс*. В зависимости от речевой ситуации употребляется изолированно или в начале высказывания. В русском языке эквивалента не имеет.

Уармы дуар чидар арбахоста. – Кс-кс... Саниат, ам дае? – арбайхъуыст сългоймаджы хъалæ (Цæгæраты М.). – «Кто-то постучал в дверь. – *Ки-ки...* Саниат, ты здесь? – слышался женский голос».

Зæринæ (асинтыл æрхызт зæхмæ. Агуры Чепенайы). Кс-кс! Чепена! (Хуыгаты Г.). – «*Зарина (спускается по ступеням. Ищет Чепена). Ки-ки! Чепена!*»

В русском и осетинском языках императивные междометия характеризуются элементами эмотивности, в силу того, что они выражают активное воздействие субъекта на реципиента посредством эмоционально-волевых изъявлений говорящего.

Побуждение к какому-либо действию выражается ИЕ *мардзæ, гъе-мардзæ, гъей-мардзæ, гъейтт-мардзæ*. Эти ИЕ имеют многокомпонентную структуру, так как состоят из волитивного междометия и «мардзæ». В русском языке для данного междометия эквивалента нет, семантическое содержание ИЕ на русский язык чаще всего передают интеръективизмами *ну, ну-ка, эй*.

Гъе, мардзæ, Малсаг, иу скъæрд ма даехи раæн (Нарты 1). – «*Эй, Малсаг, прокатись еще раз*»

Нередко при переводе на русский язык значение этого междометия передается посредством повелительного наклонения, что не вполне точно:

Адамы фарнаей къæдзæх дæр ныннæры, –

Гъе-мардзæ, исчи !– бынтон сæфт кæнæм!.. (Коста. Додой). – «Родина-мать и рыдает и стонет... Вождь наш, спеши к нам – мы к смерти идем» (пер. А. Гулуев).

От эмотивных волитивные ИЕ отличаются по семантико-стилистическим и синтаксическим особенностям, своеобразной интонацией, приближенной к интонации повелительного наклонения глагола.

Во второй главе реферируемой диссертации на обширном иллюстративном материале проводится подробный анализ непрямых междометий в осетинском и русском языках. Результаты исследования функциональных особенностей междометий и их семантических соотношений позволяют утверждать, что ИЕ в письменной и в устной формах речи имеют определенные различия в плане семантического содержания, гендерной маркированности и частотности употребления.

В третьей главе диссертации «*Производные междометия в русском и осетинском языках*» рассматриваются функционально-семантические особенности производных междометий в художественном диалоге и устной разговорной речи (на материале осетинского и русского языков).

В первом параграфе рассмотрены производные междометия в русском языке. Междометный языковой фонд постоянно пополняется в процессе интеръективации – переходе в междометия слов из других лексико-грамматических разрядов. Выделяются междометия, образованные от имен существительных, имен прилагательных, глаголов, наречий, частиц, звукоподражательных слов, устойчивых сочетаний. Среди производных также выделены когнитивные, эмотивные и волитивные междометия.

Так, большое количество междометий в русском языке образованы от вокативных форм имен существительных: *батюшки, Боже, Господи, мама, мамочки, матушки* и др. Переходу вокативов в интеръективы способствовала утрата именами существительными вследствие исторического развития русского языка звательной формы. Эта утрата привела к отсутствию у застывших эмоционально окрашенных звательных форм омонимов в системе форм имени существительного, что ускорило процесс десемантизации, начавшийся при архаизации данных понятий [Середа, 2005].

Междометие русского языка *батюшки* было одним из самых часто употребляемых в художественных произведениях. В зависимости от речевой ситуации выражает различные эмоции: испуг, удивление, радость, недовольство, беспокойство и др. В речи встречается как самостоятельно, так и с расширением: *батюшки мои, батюшки-святы, батюшки родимые* и т.д.

Активное употребление имеют ИЕ *матушки, мать моя, мать честная, мамочка, мамочки* и др. С целью усиления выражения степени эмоционального состояния говорящего, производное междометие употребляется с производным: *ай, ой, ах ты* и др.

В русском языке одними из наиболее частотных интеръективизмов, образованных от вокативных имен существительных являются «Господи!», «боже», «боже ты мой» и т.д. С помощью данных ИЕ также выражаются

удивление, возмущение, недовольство, упрек, радость, восторг, удивление и т.д.

Значительное количество междометий образовано от существительного «*черт*». Употребление данного слова в качестве обращения на русском языке всегда было ограничено, табуировано из религиозных побуждений, поэтому в письменных источниках не зафиксировано употребление маркированной формы вокатива этого слова со специфической флексией -е (черте). В современном русском языке это слово преимущественно используется в роли междометия [Середа, 2005].

При употреблении в речи наиболее частотным является использование ИЕ *черт* для выражения эмоциональных состояний гнева, раздражения, недовольства, реже – восхищения, радости, удивления.

Существенным источником пополнения междометий являются оценочно-характеризующие существительные: беда, горе, ужас, крышка, конец, смерть и т.п.

Так, например, одним из наиболее часто употребляемых в устной и письменной речи является интеръекционная единица *ужас!* Интересно заметить, что это слово в качестве эмотивного междометия способно выражать самый широкий спектр эмоций. В зависимости от речевой ситуации оно может сочетать в себе признаки когнитивного и эмотивного междометия – отражать состояние сознания и мыслей говорящего и одновременно передавать его эмоции. Например, выражение изумления, негодования, возмущения:

– А говоришь ты как? *Ужас!* Вместо квартира – фатера, вместо эвакуироваться – экуироваться, вместо как будто – кубыть...
(М. Шолохов. Тихий Дон).

В разговорной речи этот же интеръективизм довольно часто используется для выражения положительных эмоций и эмоциональных оценок: радости, удовольствия, восхищения и т.д. По имеющемуся у нас лингвистическому материалу можно утверждать, что наиболее активно оно для выражения эмоционального состояния и оценки употребляется в речи женщин. Выступает как ответная реакция на вербальный или невербальный стимул. Приведем некоторые примеры, записанные нами из устной речи студентов СОГУ:

– Девчонки! *Ужа-ас!* Они сегодня приезжают!!! *Ужа-ас!*

– *Ужа-а-ас!!!* Какая красота, я и представить не могла, что здесь все вокруг та-ак!

– Ну, ты и фигурку себе сбацала, *ужас!* Как тебе так быстро это удалось!?

В приведенных примерах, описываемая ИЕ передает радость, восторженное состояние субъекта, что становится понятным лишь благодаря соответствующей интонации, жестам, мимике. В зависимости от речевой ситуации данное выражение может передавать беспокойство, тревогу, досаду и т.п.

Значительное количество производных междометий соотносятся с глагольными формами: *обалдеть!*, *допрыгался!*, *достал!*, *запарил!* и т.п.

Выражение раздражения, недовольства, возмущения в разговорной речи часто передается с помощью междометия *достал* (-а,-о,-и), производного от глагола «достать», семантически соответствует глаголу надоедать. Данное междометие имеет широкое употребление в разговорной речи. По нашим данным, чаще всего оно встречается в речи молодежи и представителей среднего возраста, а также в речи детей школьного возраста, люди старшего поколения выражают свои эмоции с помощью ИЕ *достал* значительно реже. Большое количество междометий, соотносимых с глаголом, являются волитивными.

Междометия, производные от наречий, в современном русском языке в большинстве случаев также являются волитивными, в частности, императивными. Можно отметить наличие эмотивных и когнитивных междометий, производных от наречий: *весело!*, *здорово!*, *вообще!* и т.п.

Так, в живой разговорной речи активно функционирует ИЕ *вообще*, также произносимое «*ваще*». Данная интеръекционная единица может передавать различные эмоционально-оценочные значения, как положительные, так и отрицательные. Степень выражения эмоции активная. Например, выражение восторга, восхищения мужчиной 60 лет:

– Как вы отдохнули? нормально съездили? Там, наверное, красиво было?

– *Вообще, вообще!*

В примере не совсем понятно, что именно хотел сказать говорящий этим «вообще». Однако в непосредственном диалоге такой сложности не возникло, так как в данном случае большое значение для семантического содержания имеют интонация, жесты и мимика.

В зависимости от речевой ситуации этим же словом можно передать негативную оценку, возмущение, недовольство:

– Не ври! – возмутилась Маша.

– Ну, *ваще* прям! – вытаращил глаза Ерин. – Слышь, детка, бросай колотья, а то уже тресняк пришел вместе с мозгоедой! Иди домой, поспи (Д. Донцова. Билет на ковер вертолет).

Среди производных междометий важное место занимают устойчивые фразеологические сочетания, которые утратили самостоятельное лексическое значение и выполняют функцию междометий, например, в русском языке: *вот еще!* *была не была!* *вот тебе на!* *вот тебе раз!* *вот так клюква!* *черт поberi!*

В осетинском языке; ой дын е!, – *вот тебе раз!*, выражает удивление, недовольство, догадку и др.; *манæ бæллæх!* *вот беда!* *мæ хæдзар!* – буквально «*мой дом!*») в зависимости от речевой ситуации передают тревогу, страх, возмущение, удивление и др.

Междометные устойчивые сочетания и фразеологизмы обладают основными свойствами фразеологизмов – целостностью, воспроизводимостью, образностью и экспрессивностью. В речи они способствуют более яркому проявлению чувств, настроений, переживаний

говорящего. Исследователи выделяют класс междометных фразеологических единиц [Исаев 1964, Зыблева 1987; Копыленко, Попова 1978; Серeda, 2005 и др.]. Междометные фразеологизмы «...служат, как и междометия, для выражения различных чувств, эмоций, волевых побуждений лица» [Молотков 1977: 147].

Междометные устойчивые сочетания имеют большое значение в процессе коммуникации, непосредственным образом отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего.

Выражение *была не была* передает намерение, согласие что-либо сделать, решимость на выполнение каких-либо действий после некоторых колебаний, сомнений. Иногда употребляется с неприводными междометиями *а, э, эх*, например:

Иногда при ударе карт по столу вырывались выражения: – *А! была не была*, не с чего, так с бубен!

(Н. Гоголь. Мертвые души).

Значительное количество междометных единиц образованы по схеме «составная частица *вот так* + имя существительное (частица)». Так, выражение *вот так клюква* передает удивление, разочарование, недоумение. В устной разговорной речи используется в настоящее время не так часто. Достаточно много примеров употребления данного выражения в художественной литературе:

– По вашему мнению, кто убил?

– Вы!

– *Вот так клюква!* – пробормотал он, дыша на окно и нервно рисуя на нем вензель.

(А. Чехов. Драма на охоте).

В устной и письменной формах речи имеют широкое употребление междометные выражения с таким же семантическим наполнением *вот так штука, вот так фунт, вот так шутка, вот так номер, вот так так, вот так раз*, и т.п., которые выступают в речи как реакция на реплику собеседника, собственную мысль или речевую ситуацию. Передают эмоционально-оценочную характеристику, в большинстве случаев негативную, отрицательную, реже положительную или амбивалентную.

Выражения *вот так (те) раз, вот те на, вот так так, вот оно (как)* способны передавать различные эмоциональные состояния субъекта, эмоциональную оценку речевой ситуации, какого-либо события, а также в зависимости от контекста – ментальное состояние субъекта, то есть могут сочетать признаки эмотивных и когнитивных междометий.

В русском языке значительное число устойчивых междометий произошло от выражений со словами *бог, господь, черт*. Частотное употребление как в устной, так и в письменной речи имеет ИЕ *бог с тобой (с ним, с ней, с ними* и т.д.). Например, выражение примирения, согласия, прощения:

– Забыть! – проворчал он; – я-то не забыл ничего... Ну, да *бог с вами!*.. Не так я думал с вами встретиться...

(М. Лермонтов. Герой нашего времени).

В зависимости от контекста, речевой ситуации эта же ИЕ передает несогласие, удивление, упрек:

– Вот собираюсь за границу пожить: для этого-то имение заложу и продам...

– *Бог с тобой*, что ты, Борюшка! Долго ли этак до суммы дойти!

(И. Гончаров. Обрыв).

Большое количество междометных образований со словом *черт* произошли от устойчивых выражений. Употребление *черт бы тебя* (*его, ее, их*) *побрал* (*подрал, взял*) выражает чаще всего, возмущение, негодование, недовольство:

– Опять, *черт подери*, скучать целый вечер у директора!

(А. Чехов. Три сестры).

Иногда это же выражение в речи передает восхищение, удивление, браваду и т.п.

По аналогии с данным выражением образованы *прах возьми, шут возьми, шут побери, холера его забери, чума тебя возьми, лукавый его побери* и т. п.

При выражении недовольного согласия, уступки, прощения в устной и письменной речи часто используется ИЕ *черт с ним* (*с тобой, с вами, с ней, с ними, с нами*).

Волитивные производные междометия, как и непроизводные выражают: побуждение к действию, призыв к прекращению действия, обращение к определенному лицу. Выделяются волитивные междометия, обращенные к человеку и обращенные к животным. Среди волитивных производных интеръективизмов можно выделить группы по сфере применения: междометные единицы, употребляемые в военном деле, язык охотников и т.д. Волитивные междометия, так же как и эмотивные и когнитивные, соотносятся с различными лексико-грамматическими разрядами.

В реферируемой диссертации в данном параграфе на обширном иллюстративном материале рассматриваются примеры использования когнитивных, эмотивных и волитивных производных междометий в художественных текстах и в устной речи.

Во втором параграфе проводится функционально-семантический анализ производных междометий осетинского языка.

Состав междометных единиц в осетинском языке также пополняется в процессе интеръективации и заимствования. Производные междометия, образованные в результате десемантизации слов из различных лексико-семантических разрядов, характеризуются активным употреблением в живой разговорной речи. К производным междометиям относятся *æллæх, йарæбын* (*йарæббын*), *тобæ, тæхуды, фæдис, уæллæ-гъи* и др., а также фразеологические сочетания: *мæнæ мыл, мæ къонайыл, мæ хæдзарыл, мæ бон, мæ боныл, судзгæ бонтæ, дудгæ бонтæ* и т. п.

Среди давних заимствованных интеръективизмов выделяются междометия, пришедшие в осетинский из русского языка: *алло, ура, маладец* (*молодец*), *стоп, бис, пли, баста, марш* и др. Из арабского были заимствованы не как междометия, а как существительные *æллæх, тобæ,*

йарæбын, уæллаæ-гъи, но как существительные в современном осетинском языке они уже не употребляются. То есть междометия *æллаæх, йарæбын, уæллаæй*, едва ли не самые употребляемые в речи осетин, носителями языка уже не воспринимаются как заимствования.

Так, В.И. Абаев указывает, что *æллаæх* – «восклицание боли, ужаса, при удвоении также удивления, иронии и пр. ...Распространено по всему миру. В осетинском сошло на роль междометия и в значении «бог» не употребляется» [Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М. 1958: 129].

Таким образом, говоря «æллаæх», человек не предполагает обращение к Богу, и, более того, может не знать, что это междометие было заимствовано из арабского языка как существительное «аллах». Данное междометие в разговорной речи способно выражать широкий спектр эмоций и эмоциональных оценок. Поэтому при переводе на русский язык релевантным является использование интеръективизмов, соответствующих по семантико-стилистическому наполнению. Чаще всего *æллаæх* в диалоге выражает страх, тревогу, беспокойство. В зависимости от речевой ситуации и интонации, с которой произносится ИЕ, *æллаæх* может передавать радость, восхищение, ироническое отношение и др.

Исторически производным от имени существительного междометием, является *арæби, йарæби*.

В. И. Абаев характеризует *арæби, арæбун* как восклицание, выражающее протест, возражение и пр. Из арабского, персидского... «о, господи!»; относится к общему мусульманскому фонду кавказских языков [Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М. 1958: 58].

Следует заметить, что встречаются различные варианты написания интеръективизма. Правильным являются следующие: *арæби, арæббын, йарæби, йарæб(б)ын* [Орфографический словарь осетинского языка: 44, 232]. Однако в художественной литературе встречается также и графический вариант *йарæппын*:

– *Йарæппын*, ирон адæм нал стæм æви? Бимбол нæ хъуыди... Бимболы агураг арбацыдыстæм... Нæ бæхты нын раттут. Ауадзут нæ...

(Цæгæраты М. Быны чызг). – «О, боже, не осетины мы уже что ли? Нам нужен был Бимбол... Мы пришли искать Бимбола... Верните нам наших коней. Отпустите нас...»

В «Осетинско-русском словаре» в разных словарных статьях приводятся ИЕ:

арæби! межд., выражающее удивление, протест *арæби!*;
йарæби межд. о боже (в значении несогласия, оправдания);
йарæбын, йарæббын межд. см. *йарæби* [Осетинско-русский словарь. 2004: 42, 248].

В «Дигорско-русском словаре» дано описание следующих интеръективизмов:
арæби межд. восклицание, выражающее протест, возражение и пр.;
о, господи! о, боже!; *арæби! Аллах, нæ хъиамæт нин дзæгъæли ку*

фæккодтай. О, боже! Господи, ты сделал тщетными наши труды (Дигорско-русский словарь. 2003: 29);
йарæбий, йарæбин межд. ой боже!, господи! (в значении несогласия, возмущения, удивления, оправдания) [Дигорско-русский словарь. 2003: 313].

Междометие *йарæби, (йарæбын, йарæббын)* имеет широкое употребление в живой разговорной речи, может передавать различные эмоции и эмоционально-оценочное отношение. Обычно стоит в начале высказывания. Соответствует междометиям русского языка, *да в конце концов, боже мой, господи, ей-богу* и т.п. В зависимости от контекста может выражать несколько эмоций одновременно: удивление, беспокойство, тревогу, желание чего-либо.

В устной речи осетин частотное употребление имеет междометие *уæллæй, уæллæгъи, дигорское уæллахи*. В.И. Абаев приводит в одной словарной статье ИЕ *wællæhi! wællæi!* «клянусь богом», синонимом является *хуыцауыстæн!* Заимствовано из арабского, употребительно повсюду у мусульманских народов [Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М. 1958: 81]. В русском языке соответствует *ей богу! ей-ей!* и т.п. Например:

З а у ы р. Æцæг у зын фарста. Раздæр райдайын хъуыди. Æрыгонæй. Д у к к и. Æрыгонæй? Æмæ йæ æз авдæны куы райдыдтон. Уæллæй, мæ авдæнмæ, дам-иу, лæппу хæстæг куы 'рбацыди, уæд дам, хъалæсыдзаг кæугæ кодтон, чызг-иу куы ауыдтон, уæд та, дам, худгæ.

(Хуыгаты Г. Туаллаг рæсугъд чызг). – *«З а у р. Действительно, сложный вопрос. Раньше надо было начинать. Молодым.*

Д у к к и. Молодым?. Так я же еще в люльке был, когда начал. Ей-богу, когда, мол, к моей люльке мальчик подходил, то я во весь голос плакал, а если девочку видел, то смеялся».

Правильным является написание *уæллæгъи* [Орфографический словарь осетинского языка. 2002: 570], однако в произведениях художественной литературы нередко встречается также графический вариант *уæллæ-гъи*:

– ... Рухсаг уæд, мæгуыр, дæ сияхс Мухар, колхозы иумæ бирæ фæкуыстам. Хæларæй фæцардыстæм. Уæдæ дæ хо Разиат дæр... *Уæллæ-гъи, иу-цалдæр азы нæ бригады хæринаггæнæгæй фæци, æмæ ма хистæртæ ныр дæр йæ кой ракæнынц.*

(Цæгæраты М. Тæгæрдойнаг Ацæмæз). – *«– Пусть земля будет пухом твоему зятю Мухару. Дружно мы прожили. Да и сестра твоя Разиат... Ей-богу, несколько лет она в нашей бригаде поваром проработала, так о ней до сих пор старшие вспоминают».*

Встречается также и употребление «*уæллæгъи-биллæгъи*»:

– Уадзæм æй, Б-бодз, уый нæ нуазы. *Уæллæгъи-б-иллæгъи, æз хистæр дæн ам æмæ йын æз б-бар радтон.*

(Т. Гуру. Уæлæсыхы Бодз). – *«– Оставим его, Б-бодз, он не пьет. Клянусь богом, я здесь старший, и я ему разрешил».*

В «Дигорско-русском словаре» приводится самостоятельное междометие *бѣллахи «ей-Богу»* [Дигорско-русский словарь. Владикавказ. 2003: 199].

В современном осетинском языке процессу интеръективации подвергаются слова, содержащие в своей семантике эмотивность и оценочность. В зависимости от эмоциональной направленности и речевой ситуации, в междометия переходят лексические единицы, характеризующиеся особой экспрессивностью в речи, названия некоторых заболеваний, зоонимы, орнитонимы, детские слова и т.п.

Например, выражение гнева, страха, тревоги в живой разговорной речи передает ИЕ *бѣллах – горе, беда*. Чаще употребляется мужчинами, является активной реакцией на какую-либо информацию или невербальный стимул.

С о л ы м (рагæпп сæм кодта). Банцайут, хæдзархалтæ, худинаггæнджытæ!.. *Бѣллах, бѣллах!* Ахсæвыгон сæ уыромæг уыромын куы нæ фæразы, уæд цы уыдзæн боной? Мæ заронд сæр, цытæ бавзæрстай, цы?...

(Хуыгаты Г. Хъæздыг хæдзар) – «С о л ы м (выскочил к ним). Заткнитесь, разрушители моего дома, позорники!.. *Беда, беда!* Их ночью успокоить невозможно, так что же днем будет? О, моя седая голова, сколько ты всего терпишь?..»

Выражение гнева, недовольства, возмущения может передаваться ИЕ, производными от имен существительных-зоонимов. Например, *куыдз!* – собака!, *куыйтæ!* – собаки! *Куыдз чи у, уый!* – букв. *тот, кто собака!* Степень проявления эмоции активная, может выступать в сочетании с производными междометиями *у, ух, æй*, также иногда употребляется в живой разговорной речи со словами *ух, анассынæйы куыйтæ* и т.п. Зоонимы, так же как и другие слова, в процессе интеръективации десемантизируются, утрачивая номинативность. На первый план в семантическом содержании производного междометия выступает непосредственное выражение эмотивности.

В осетинском, как и в русском языке имеются междометные единицы, образованные в процессе интеръективации выражений, представляющих собой обращения к Богу, Всевышнему. Данные ИЕ используются в речи и мужчинами, и женщинами. Следует отметить, что эти обороты в соответствующем контексте употребляются в современном осетинском языке, как обращение к Богу, а не только в качестве междометных образований, в отличие от рассмотренных выше *æллах, йарæбын, уæллаей*, утративших связь со своим первоначальным значением. При переводе их следует передавать соответствующими междометиями русского языка, также образованными в результате интеръективации.

В.И. Абаев отмечал особенности исповедования религии осетин: «Христианство, пропаганда которого велась среди алан с V в., имело решительное преобладание, но и мусульманство укрепилось в некоторых частях Осетии» [Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М. 1949: 72]. Религиозные особенности осетин не могли не отразиться в языке, в частности, в лексико-фразеологической системе осетинского языка. В

осетинском языке достаточно много молитвенных формул, клятв, проклятий, связанных с религией, с именем Бога. Например, мужчины-осетины клянутся именем Бога: *Хуыцауыстаэн!* (ир.) *Хуцауистаэн* (дигор.) – «Богом клянусь!», именем Святого Георгия: *Уастæрджистаэн!* – «Клянусь Святым Георгием!», Кораном: *Хъуыраныстаэн* – «Клянусь Кораном». В зависимости от речевой ситуации, эти выражения могут использоваться как междометные единицы, служить для передачи эмоционального состояния говорящего.

И мужчинами, и женщинами употребляются проклятия, пожелания различного характера: *Хуыцау дае ма сразы уæд!* (ир.); *Хуцау ди ма исрази уæд!* (дигор.) – «Чтоб Бог тобой не был доволен!» Многие из клятв, обращений к Богу имеют междометный характер, то есть выполняют функцию выражения эмотивного или ментального состояния говорящего. Так, выражения *о, хуыцау!* – *о, боже!*; *о, ме скаенаг* – *о, мой создатель* и др. могут передавать сильные эмоциональные переживания как положительные, так и отрицательные.

Значительным источником пополнения междометий в осетинском языке являются устойчивые сочетания, непосредственным образом отражающие процесс коммуникации. Междометные фразеологические единицы усиливают образность, экспрессивность речи, способствуют более яркому проявлению эмоций говорящего.

К междометным фразеологизмам профессор М.И. Исаев относит многочисленные формулы доброго и дурного пожеланий, благодарности и поздравлений, сочувствия и соболезнования, угроз, ласкательных выражений и т. п. Рассматривая формулы проклятий осетинского языка, ученый указывает на их тесную связь с историей, этнографией и условиями жизни осетинского народа: «Наличие в осетинском языке большого числа формул, выражающих различные проклятия, объясняется тяжелыми условиями, в которых жили осетины раньше. Самый незначительный ущерб, нанесенный небольшому хозяйству горца, приводил последнего в отчаяние, и в адрес виновника извергались фонтаны проклятий, в магическую силу которых люди верили» [Исаев М.И. Очерки по фразеологии осетинского языка. 1964: 44].

Междометные фразеологические единицы являются выразителями самобытности каждого языка, отражают специфику языка, особенности общения между людьми, степень эмоциональности носителей того или иного языка. Характер эмотивного речевого поведения отличается национальной специфичностью.

В устной речи осетин имеют широкое употребление формулы выражения возмущения, негодования, недоумения, страха.

Некоторые из этих формул в настоящее время встречаются в основном в художественной литературе и драматургии, другие характеризуются активным использованием в живой разговорной речи. Следует отметить, что существует этносоциальная и гендерная дифференциация их употребления в устной и письменной речи.

Так, частотное употребление имеет выражения «*мæ хæдзар*» – «мой дом». Исследователи подчеркивали, что слово русского языка «дом» не

может полностью передать семантику осетинского понятия «хæдзар». Дом, очаг у осетин был священным, неприкосновенным, враг, переступивший порог дома, становился гостем этого дома, и никто не имел права обидеть его. «Хæдзар – это центральное место, помещение в доме. Из скольких бы комнат ни состоял дом, жизнь семьи в основном протекала в «хæдзаре». Вокруг «хæдзара» росла и спланивалась семья» [Магомедов А. Х. Культура и быт осетинского народа. 1968: 263].

Выражения «мæ хæдзарыл» – «на мой дом», «мæ хæдзар фехæлд» – «разрушился мой дом», «мæ хæдзар куыд хæлы» – «как рушится мой дом» передают испуг, тревогу, беспокойство. Степень проявления эмоции активная. В русском языке точного соответствия нет, при переводе приблизительно можно передать его междометными единицами, близкими по семантическому содержанию с поясняющим предложением, соответствующим контексту.

Г о н и о н. *Мæнæ та мæ хæдзар куыд хæлы!* Мæнæ цæмæй тарстæн, уый мæ сæр куыд байæфта! Нæ лæг, ды афтæ куы бакæнай, уæд мæхи рагъæныл æрцаундзынæн.

(Хуыгаты Г. Хъæздыг хæдзар). – Г о н и о н. *О, как вновь рушится мой дом!* О, как меня постигло то, чего я боялась! Если ты так поступишь, то я повешусь».

Интересно отметить, что выражение *мæ хæдзар*, имеющее частотное употребление в устной речи, довольно активно функционирует и при непосредственном общении молодых людей. При этом они используют его для выражения различных эмоций и в разговоре на русском языке.

В.И. Абаев указывал: «Центральное место в мировоззрении древних осетин занимал комплекс: небо – солнце – огонь – свет» [Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. 1949: 72]. Поэтому многие клятвенные формулы в осетинском языке связаны со словом *арт* – «огонь»: *дæ зынг быхуыссæд!* – «чтоб затух огонь твоего очага»; *дæ артыл дон акæн!* – «налей воды на свой огонь!». У осетин, если в доме умирал последний продолжатель рода – представитель мужского пола, исполнялся такой магический ритуал: огонь заливался водой, снималась надочажная цепь – святыня домашнего очага – это означало гибель дома, о нем говорили: «Хæдзар бабын ис» – «Дом погиб» [Хубецова, 1977].

Так, в художественных текстах часто встречается интеръекционная единица *мæ арт бауазæл «остыл мой огонь»*. Употребляется исключительно лицами женского пола, является активной реакцией на вербальный или невербальный стимул, выражает страх, тревогу, беспокойство.

Устойчивые эмотивные сочетания содержащие слово *бындур* – основа, буквально: основной камень, также характеризуются гендерной маркированностью. Выражение «мæ бындурыл» передает страх, тревожное состояние, беспокойство. Степень проявления эмоционального состояния активная. Часто встречается в художественных текстах, имеет широкое употребление в устной речи женщин, представителей старшего поколения.

А ц ы р у х с. Нæ, гыцци. Æз никуы скæндзынæн мой.

Д а с х а н. *Мæ бындурыл!* Цæуылнæ уæд?!

(Хæмыцаты Ц. Арвæй æрвыст лæг). «А ц ы р у х с. Нет, мама. Я никогда не выйду замуж. Д а с х а н. О, мое наследие! Почему это?!»

Для выражения страха, ужаса, беспокойства используется ИЕ *мæ къонайыл* – буквально «на мой очаг», употребляется в речи женщин, сопровождается характерными жестами – «схватиться за щеки», «ударить себя по коленям»; степень проявления эмоции активная. Например:

– Нана, исты фыдбылыз ныл æрбамбæлд? – тыхстæй бафарста Таймураз...

– Нæ, нæ, лæппу гыццыл фæллад у.

– *Мæ къонайыл*, мацы мын кæнæд! – йæ рустæм фæлæбурдта чындз...

(Мæрзойты С. Фидиуæг) – «– Нана, случилась какая-то беда? – с тревогой спросил Таймураз... – Нет, нет, парень немного устал.

– *О, мой очаг*, лишь бы с ним ничего не случилось! – схватилась за щеки сноха...»

Горе, страх, тревогу выражает ИЕ *бабын дæн* – *погибнуть, пропасть, разориться, сгинуть*. Является активной реакцией на вербальную информацию или невербальный стимул, употребляется в речи и мужчинами, и женщинами.

Х а д з ы. Лæппу!.. (Нырдиаг кодта). *Бабын дæн!* (Йæ риуыл фæхæцыд). *Бабын дæн!*..

(Хæмыцаты Ц. Арвæй æрвыст лæг). – «Х а д з ы. Сын!.. (Зарыдал). *Пропал я!* (схватился за грудь). *Пропал я!*..»

Тревога, испуг, возмущение, удивление передается выражением *мæгуыры бонтæ* – буквально «бедные дни». Является активной реакцией на вербальную информацию, встречается в речи женщин. В речи молодых людей употребляется редко, иногда для выражения иронического отношения, создания комического эффекта и т.п. На русский язык приблизительно можно передать семантически соответствующими междометиями *О, ужас! Как же так! О, боже мой* и т.п.

– *Мæгуыры бонтæ!* Æмæ уæдæ æз зонгæ дæр куы ницы бакодтон! Куд ницы мын фехъусын кодтат! Искуы ма афтæ уыди...

«– *Да как же так! А я даже ничего и не узнала! Как вы ничего не сообщили! Разве так можно...*»

Упрек, укор в осетинском языке передается выражением *уаих фæуай*. В.И. Абаев определяет *уайых фæуай* как выражение упрека, приблизительно переводимое русским выражением «будь ты неладен!» – бирагъ дзуры: «Мæнæ бæх, хæрдзынæн дæ». «Уаих фæуай, куыд мæ хæрыс, мæ уæлæ фыды 'ртау куы нæ ис» «волк говорит: «конь, я тебя съем». «Будь ты неладен, как ты съешь меня, когда на мне нет нисколечко мяса» [Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. 1989: 42].

Интересно, что в «Дигорско-русском словаре» данное выражение характеризуется как междометие: *уайæх фæуун межд.* будь ты неладен (*выражение упрека*) [ДРС, 2003], а в «Осетинско-русском словаре» дан

перевод на русский язык *постыдился бы*, но не указывается его принадлежность к междометиям [ОРС, 2004: 417]. Однако при переводе на русский язык в зависимости от контекста данное выражение следует переводить семантически соответствующими интеръективизмами.

В осетинском языке выделяют «женские», «мужские», «общие» междометные устойчивые сочетания, клятвы, заклинания и проклятия. Для женских проклятий и заклинаний характерны слова хæрз – «очень», сау – «черный», судзгæ – парафраза от глагола судзын – «гореть», бындур – «основа», хур – «солнце», кьона – «очаг» и др. [Хубецова, 1977: 64].

Междометные устойчивые сочетания в осетинском языке многочисленны, а нередко являются результатом персонального творчества. Яркий пример приводит М.И. Исаев в монографии «Очерки по фразеологии осетинского языка»: «...высаженный проводником безбилетный пассажир напутствовал проводника: поезды цалх дыл искуы разилаэд! «да переедет тебя где-нибудь колесо поезда!» [Исаев, 1964: 46]. Такого рода окказиональные выражения, проклятия, пожелания имеют довольно частое употребление в устной речи, характеризуются активным проявлением эмоционального состояния говорящего и часто вызывают соответствующую ответную реакцию слушающего.

В осетинском языке среди производных волитивных междометий можно выделить вокативные и императивные.

Так, например, призыв о помощи передается ИЕ *фæдис* – *тревога, погоня*. В «Осетинско-русском словаре» [2004] для данного слова в значении междометия дан перевод *караул!* Однако, в зависимости от речевой ситуации, с целью сохранения исторического и национального колорита произведения, на русский язык слово *фæдис* в значении междометия более уместно передавать как *тревога, на помощь* и т.п.

Х ь æ л æ с (Æдде). Гъей-ей-ей, адæм! *Фæдис!* *Фæдис!* Сылгоймаг йæхи айнагæй аппæрста! *Фæдис!* Баххуыс кæнут! *Фæ-дис!*
(Хуыгаты Г. Хъæздыг хæдзар). – «Г о л о с (на улице). Э-э-э-й, люди! *На помощь!* *На помощь!* Женщина сбросилась со скалы! *На помощь!* Помогите! *На по-мощь!*»

Употребляется также с непроизводными междометиями, эмотивными или волитивными *ой, гъей, о, уæу* и т. п.

К производным волитивным интеръекционным единицам относятся и некоторые формулы угроз, которые по форме являются повелениями, предупреждениями: дæ къухтæ дæхимаæ дар! «держи руки при себе!» (т.е. не трогай руками, иначе будет плохо); дæ дзыхыл хæц! «держи язык за зубами!» [Исаев, 1964]. То есть данные устойчивые сочетания содержат в себе и волитивный, и эмотивный компоненты смысла.

В третьем параграфе рассматриваются заимствованные междометия в осетинском и русском языках.

Одним из способов образования производных (вторичных) междометий в языке является заимствование. Такие интеръективизмы со временем ассимилируются, аналогично другим заимствованиям. Исследователи отмечают, что междометия составляют «наиболее специфичную и

консервативную часть каждого национального языка и с трудом пропускают в свой круг 'чужаков'» [Крысин 2002: 30].

Однако в осетинском и русском языках есть междометия, которые заимствовались наряду с другими словами, функционирующие в них до настоящего времени. Осетинским языком междометия и междометные образования заимствуются в основном, из русского языка, а интеръекционные единицы из других языков – посредством русского языка, как и абсолютное большинство заимствованных слов, так как «европейско-американские заимствования обычно вначале заимствуются русским языком, затем переходят в осетинский. И семантические изменения чаще происходят в процессе заимствования их русским языком, а с русского языка в осетинский язык они уже переходят без изменений» [Гацалова Л.Б. Неология в современной лингвистике. 2005].

Заимствованное междометие настолько «входит» в ткань языка, что при переводе на язык, из которого оно было заимствовано, часто приходится подбирать различные варианты для передачи семантического содержания переводимой ИЕ. Так, в словаре чувашского языка в словарной статье междометия «а» указывается, что оно является заимствованием из русского языка. Однако приводимые примеры не переводятся с употреблением русского междометия «а»: «**А**, вара кесел!..» – «**Да**, кисель...»; «**А** вал кисессен кайпар» – «**Ах да!** если...».

На сегодняшний день, междометие *вау*, заимствованное в русский из английского языка, является одним из наиболее часто используемых в речи для выражения радости, восторга, восхищения. Является реакцией на высказывание собеседника, невербальный стимул или откликом на собственную мысль. Имеет широкое распространение в разговорной речи молодежи, детей школьного и даже дошкольного возраста, что, на наш взгляд, объясняется сильным влиянием западной лингвокультуры через посредство кино, телевидения, СМИ. Также нередко встречается в разговоре представителей средней возрастной категории. Например:

Быстрая речь Риты была прервана звонком мобильного. Недовольно поморщившись, девушка схватила трубку.

– Да ну? – воскликнула она спустя секунду. – А он чего? *Вау!* Давай приезжай! А мне плевать, последний час там сижу. Ага! Перед уходом весь комп очищу, пусть посухнет, урод! (Д. Донцова. Билет на ковер вертолет).

В зависимости от речевой ситуации может передавать восхищение, восторг, удивление, злорадство и др. Междометие *вау*, заимствованное из английского, в русском языке графически передается также *уау!*

В осетинском языке наблюдается использование заимствований из русского и английского языков в речи молодых людей. Часто встречаются ИЕ *вау* (*уау!*), *уис*, *йес* и др. Рассмотрим некоторые примеры, записанные нами из речи студентов СОГУ:

- Цæй цы, равзæрстай исты?
- Балхæдтон, кæс...
- *Уау! Тынг у! Класс!*

«– Ну что, выбрала что-нибудь?»

– Купила, смотри...

– *Уау! Сильно! Класс!*»

Здесь использованы эмоционально-оценочные интеръективизмы, имеющие широкое употребление в русской разговорной речи *уау (вау) и класс*, и производное междометие осетинского языка, передающее восхищение, восторг, положительную оценку *тынг у*, образованное из выражения «тынг хорз у» – «очень хороший», «тынг тыхджын у» – «очень сильный» и т.п. В осетинском языке есть непроемное междометие *уау!* выражающее крик от боли, отчаяние, испуг, совпадающее по звучанию с английским *уау (вау)*. Однако осетинское *уау* не употребляется для выражения восторга, восхищения, как междометие *уау* в приведенном нами примере. Это дает нам основание утверждать, что в речи говорящего была использована ИЕ, заимствованная русским языком из английского.

В настоящее время в осетинский язык проникает большое количество междометных выражений из русского языка. В процессе ассимиляции некоторые из них меняют звуковое оформление, семантико-стилистическое содержание. Заимствования из русского языка активно используются в устной речи, нередко употребляются в художественных текстах, в том числе, с целью усиления экспрессивности, придания комического эффекта и т.п.

В четвертом параграфе проводится сопоставительный анализ производных междометий в русском и осетинском языках позволяющий выявить сходства и различия в функционировании междометий в живой разговорной речи и художественных текстах.

Так, основной функцией эмотивных междометий в русском и осетинском языках является вербализация эмоций. Среди эмотивных ИЕ в сопоставляемых языках выделяются междометия с позитивной, амбивалентной и негативной окраской. Однако наблюдаются определенные различия в употреблении междометных единиц в русском и осетинском языках, поскольку производные междометия характеризуются национально-культурной спецификой и социально-гендерной маркированностью. В русском языке активное употребление имеют эмотивные междометия *мама, мамочки, мама дорогая* и т.п., в осетинском языке нет междометий, соотносимых с обращением к матери, что связано традиционным этикетом осетин. Этнокультурное своеобразие наиболее ярко проявляется в междометных устойчивых сочетаниях, так как в них отражаются особенности материальной и духовной культуры носителей языка.

В реферируемой диссертации в данном параграфе в аспекте сопоставления рассмотрены примеры употребления когнитивных, эмотивных и волитивных междометий в русском и осетинском языках в художественных текстах и в устной речи.

В **заключении** обобщены результаты исследования, подводятся итоги.

Сопоставительное изучение междометных единиц различных языков тесно связано с этнолингвистикой, лингвокультурологией, теорией и практикой перевода, проблемами межкультурной коммуникации. Употребление непроемных междометий в речи различается по

возрастным и гендерным признакам. Так, междометия, произносимые с закрытым ртом, имеющие высокую тональность, интенсивность, более характерны для женской устной речи. Частотность функционирования этих междометий в речи женщин обусловлена тем, что они в большей степени, чем мужчины в процессе передачи различных эмотивных значений, применяют разнообразные средства фразовой просодии, используют в своей речи такие просодические средства как придыхание, лабиализация, назализация [А.Н. Потапов].

Из имеющегося у нас языкового материала можно сделать вывод, что в речи женщин довольно часто используются непроемные междометия *а, ах, ой, ого, дадаей, эх* и единицы, произносимые с закрытым ртом; мужчины вообще реже используют непроемные интеръективизмы для выражения эмоций, в их устной речи более частотными являются когнитивные и волитивные, а из эмотивных – *о, ох, уауу, оуу (маепа)* и производные ИЕ.

Производные междометия также социально и гендерно маркированы. В осетинском языке имеется значительно большее количество междометных устойчивых сочетаний, употребляемых только мужчинами и встречающихся исключительно в речи женщин.

Осетинским языком междометия и междометные образования заимствуются в основном из русского языка, а интеръекционные единицы из других языков – посредством русского языка, как и абсолютное большинство заимствованных слов.

Представители младших и средних возрастных групп чаще используют новые заимствованные междометия. В устной речи молодых людей, детей школьного возраста встречается наибольшее количество заимствованных междометных единиц из английского и русского языков. Некоторые междометия, в том числе заимствования, становятся словами-паразитами. Это обусловлено, на наш взгляд, влиянием западной лингвокультуры посредством телевидения и других СМИ. Значительным полем функционирования междометных единиц являются чаты, форумы в Интернете.

Междометия характеризуются ярко выраженной национальной спецификой, их семантическое содержание и особенности употребления в речи тесно связаны с этнокультурными традициями и историей народа – носителя языка.

Основные положения диссертации нашли отражение в следующих публикациях:

1. Непроемные междометия: проблема перевода // Известия Санкт-Петербургского педагогического университета им. А.И.Герцена, №10, 2008. 0,8 п.л.
2. Когнитивный аспект семантического поля непроемных междометий // Вестник Тамбовского университета. Серия: «Гуманитарные науки» 2008. № 8. 0,7 п.л.

3. Национальная специфика междометий в аспекте перевода // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». 2008. № 7. 0,8 п.л.
4. О лексикографической репрезентации междометий // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009. № 2. 0,8 п.л.
5. Фонетическая характеристика непроезженных междометий // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки» 2009. № 5. 0,5 п. л.
6. Эмотивная лексика: сопоставительный аспект // Вестник Новгородского университета. Серия: История. Филология. Искусствоведение. 2009. № 51. 0,5 п. л.
7. Интеръекционные единицы в аспекте перевода // Научная мысль Кавказа. 2009. № 3. 0,5 п.л.
8. Интеръекционные единицы как объект лингвистического исследования. Монография. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2006. 8 п.л.
9. Теория междометия в общей парадигме современного языкознания. Монография. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2006. 13,25 п.л.
10. Теоретические основы изучения непроезженных междометий. Учебное пособие. Владикавказ: СОИГСИ, 2005. 4 п.л.
11. Лингвистический анализ междометных единиц. Учебно-методическое пособие. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2006. 3,9 п.л.
12. Стилистические особенности имен собственных и перевод // Материалы I Общекавказской конференции «Топонимика и ономастика Северного Кавказа». Пятигорск, 1997. 0,2 п.л.
13. Междометия в переводе // Лингвистические этюды. Выпуск 5. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1999. 0,5 п.л.
14. К проблеме перевода междометий // Горный ветер. Выпуск 1. Владикавказ, 2001. 0,4 п.л.
15. К вопросу о звуковом составе междометий // Национальные филологические школы и общая теория языка. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2004. 0,4 п.л.
16. К вопросу о лексикографической репрезентации междометий // Современные технологии обучения. Выпуск 5. Владикавказ: СОГПИ, 2005. 0,3 п.л.
17. О категориальной принадлежности междометия // Современные технологии обучения. Выпуск 5. Владикавказ: СОГПИ, 2005. 0,3 п.л.
18. Æвастхæрты тæлмацы тыххæй цалдæр фиппаинаджы // Ирон ныхасы культурæ æмæ стилистикæ. Дзæуджыхъæу. 2006. 0,6 п.л.
19. Актуальные проблемы перевода междометий // Материалы второй научно-практической конференции «Перспективные разработки науки и техники – 2005», Днепропетровск, 2005. 0,5 п.л.
20. Семантическая характеристика междометий в русском и осетинском языках // Материалы международной научно-практической конференции «Кавказский текст: национальный образ мира как концептуальная поликультурная система». Пятигорск: ПГЛУ, 2005. 0,4 п.л.

21. Изучение междометий в сопоставительном аспекте // Материалы международной научной конференции «Полилингвальное образование как основа сохранения языкового наследия и культурного разнообразия человечества». Владикавказ, 2006. 0,5 п.л.
22. Когнитивный аспект семантического поля междометий // Материалы всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Перспектива – 2006». Нальчик, 2006. 0,8 п.л.
23. О лингвистическом статусе междометия // Материалы I летней историко-филологической школы-семинара молодых ученых «Методика и практика научного исследования». Владикавказ, 2006. 0,8 п.л.
24. Фонетическая характеристика производных междометий // Материалы региональной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения Б.А. Алборова. Владикавказ, 2006. 0,7 п.л.
25. Функциональные особенности эмотивных междометий // Материалы I летней историко-филологической школы-семинара молодых ученых «Методика и практика научного исследования». Владикавказ, 2006. 1,0 п.л.
26. Семантическое наполнение волитивных интеръективизмов // Материалы региональной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения Б.А. Алборова «Б.А. Алборов и проблемы кавказоведения». Т. II. Владикавказ, 2006. 0,7 п.л.
27. О теоретическом аспекте перевода междометий // Материалы региональной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения Б.А. Алборова. Т. II. Владикавказ, 2006. 0,7 п.л.
28. К проблеме сохранения национальной специфики в переводе // Материалы Всероссийской II летней историко-филологической школы-семинара молодых ученых «Методика и практика научного исследования». Владикавказ, 2007. 0,9 п.л. п.л.
29. О процессе интеръективации // I Всероссийские Миллеровские чтения «Вс. Ф. Миллер и актуальные проблемы кавказоведения». Тезисы докладов. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. 0,2 п.л.
30. Синтаксические функции междометий // Материалы III Всероссийской историко-филологической школы-конференции молодых ученых «Современная методология гуманитарного исследования». Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. 0,5 п. л.
31. Активные процессы в языковой системе // «Фундаментальные исследования». 2008. № 2. 0,2 п.л. (в соавторстве).
32. Производные междометия. Источники образования // Известия СОИГСИ. Выпуск IV. 2009., 0,4 п.л.
33. О переводе эмотивной лексики в художественном произведении // Материалы Международной научной конференции «Слово и текст: коммуникативный, лингвокультурный и исторический аспекты». Ростов-на-Дону: НМЦ «Логос», 2009. 0,3 п. л.